

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
Санкт-Петербургский государственный университет

Основная образовательная программа «Свободные искусства и науки»

Будацыренова Сэрэнсамуу Бэликовна

**ЦИФРОВАЯ И ПЕЧАТНАЯ ЛИТЕРАТУРА БУРЯТИИ КАК МЕДИУМ
СУБНАЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ**

Выпускная квалификационная работа по направлению подготовки
035300 Искусства и гуманитарные науки

Профиль подготовки «Международные отношения, политические науки и
права человека»

Научный руководитель:

Семенов Александр Михайлович,
Ph.D in History,
Старший преподаватель СПбГУ

Санкт-Петербург
2017

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологический обзор литературы	7
1.1. Историческая память наций.....	7
1.2. Травматический опыт в памяти сообществ.....	9
1.3. Распространение грамотности и печатный капитализм.....	13
1.1. Роль интеллектуалов в становлении наций.....	16
Глава 2. «Модерная» литература Бурятии: от национальной политики СССР к постсоветскому периоду	18
2.1. Коренизация в БМАССР: поддержка национальных языков и культур.....	20
2.2. Массовая печатная литература Бурят-Монголии.....	23
2.3. Развитие бурятской литературы во второй половине XX века.....	25
2.4. Постсоветская (постколониальная) литература Бурятии.....	28
Глава 3. Дискурс-анализ текстовых материалов и интервью	33
3.1. Изоляционистский дискурс.....	34
3.2. Официальный советский дискурс.....	38
3.3. Травматический дискурс.....	41
Заключение	51
Список источников.....	54
Список литературы.....	56
Приложение.....	63

Введение

Постановка проблемы

Вслед за эмансипацией печатного рынка в конце 80-х – начале 90-х гг. постсоветская литература Бурятии получает развитие в нескольких форматах и направлениях. В печатном измерении продолжают публиковаться авторы, в прошлом представлявшие советскую писательскую элиту. Некоторые из них критически переосмысливают социалистический этап в истории бурятской нации¹ и предлагают новые способы восприятия и интерпретации пережитого исторического опыта. Позже, к ним присоединяются и более молодые авторы, ищущие себя в сюжетах о досоциалистическом прошлом Бурятии и вновь открывающие для себя и своих читателей национальную историю этноса в темах номадизма². В последние годы, одновременно с сокращением государственного финансирования печатной литературы, большую популярность в писательской среде завоевывает цифровой формат на базе интернет-форумов («Сайт бурятского народа»³) и социальных сетей (Facebook и т.д.), ставших свободной площадкой для взаимообмена личными историями, образующими пространство коллективного исторического опыта⁴ в онлайн-сфере.

В результате в печатном и цифровом измерении современной литературы Бурятии формируется новый исторический нарратив, служащий сегодня ярким примером взаимодействия и взаимовлияния различных дискурсов, памятей и идентичностей. Специфика данного нарратива и его развитие в рамках гетерогенных политических, культурных и социальных пространств, сложившихся в условиях предыдущих имперских практик, обуславливает необходимость применения междисциплинарного постструктуралистского исследовательского подхода – Новой имперской

¹ Баикуев Г. Т. На переломе: публицистика, проза, пьесы. Улан-Удэ, 2007а.

² Гапанов А. Первый нукер Чингисхана. Улан-Удэ, 2005. Гапанов А. *Тэмуджин*. Улан-Удэ, 2010.

³ См. авторов *MoVi* и *tri_tabuna*.

⁴ Chikonzo A. The Potential of Information and Communication Technologies in Collecting, Preserving and Disseminating Indigenous Knowledge in Africa // *The International Information & Library Review*, 2006. Vol. 38 (3). Pp. 132-138.

истории⁵ – в изучении настоящего кейса. Аналитическая модель, предлагаемая авторами Новой имперской истории, позволяет в данном случае расширить горизонты других теоретических направлений – например, пост-колониализма, отождествлявшего империи с колониями⁶ и игнорировавшего структуру взаимоотношений между имперскими дискурсами и практиками, характерными для пост-имперской ситуации и сегодня. Понимание «империи» в качестве исследовательской ситуации, не познаваемой, как теперь кажется, вне рожденных современностью категорий, смыслов, образов и мышления⁷, обосновывает изучение сложившегося в Бурятии нарратива сквозь призму исторической памяти, т. е. представлений о прошлом, определяющих характер представлений о будущем в рамках диалектической связи. Формирование гетерогенного пространства исторической памяти⁸, отраженного в постсоветской литературе Бурятии, и принадлежность художественных текстов к формам, менее всего вовлекавшимся в «официальный» дискурс памяти⁹, определяют в данном случае особый исследовательский интерес к выбранной теме.

Для эмпирического изучения актуальных в Бурятии представлений о прошлом исследование предлагает обратиться к постсоветской литературе коренного этноса республики как медиуму, транслирующему автохтонную память сообщества о советском опыте. В рамках настоящего проекта были изучены тексты современных бурятских писателей, в чьих работах, с одной стороны, представлена рефлексия о советском прошлом, а, с другой, отражаются актуальные проблемы и вызовы, стоящие перед бурятской нацией сегодня. В это число вошли произведения таких авторов, как Геннадий Башкуев (родился в 1954 г., проживает в Улан-Удэ, журналист по

⁵ Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovski, A., Mogilner, M., & Semyonov, A. In Search of a New Imperial History // *Ab Imperio*. 2005. №1. Pp. 33-56.

⁶ Там же.

⁷ Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет?: Беседа с редакторами журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. №. 1. С. 218-238.

⁸ См., например, дискуссии в *Ab Imperio*. 2004. №1.

⁹ Неофициальная меморизация травматического опыта: материалы науч. конф. XXI Большие банные чтения, Москва, 5-6 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3159> (дата обращения: 16.04.2017)

образованию, сотрудничает с региональными газетами «МК», «Новая газета» и т. д.), Алексей Гатапов (родился в 1965 г., живет в Улан-Удэ, историк по образованию, закончил БГУ), Булат Молонов (родился в 1977 г., эмчи лама, закончил Буддийский университет в Улан-Баторе, ныне проживает в Ансане, Корея), *tri_tabuna* (псевдоним Эржены Баторовой на «Сайте бурятского народа», закончила НГУ, проживает в г. Базель). К источникам, анализируемым в работе относятся художественные тексты, опубликованные в Бурятии с 1991 г. по настоящее время – это короткие «цифровые» и «печатные» рассказы (под авторством *Mobu*, *tri_tabuna*, опубликованные на «Сайте бурятского народа»), повести (А. Гатапов), пьесы (Г. Башкуев). Многие из анализируемых произведений были также опубликованы на страницах журнала «Байкал».

В настоящей работе литература изучается как совокупность сред: текстовой (которая, в свою очередь, делится на цифровой и печатный уровень) и институциональной¹⁰, где центральными являются фигуры издателей, редакторов и лингвистов, контролирующие процесс публикации материалов. Данный подход к литературе обусловлен социологической интерпретацией процесса чтения как «формы социального взаимодействия¹¹», где издатели, редакторы и лингвисты, выполняющие функцию посредничества в коммуникации между текстом и читателем, укрепляют литературу в статусе социального субститута культуры.

Таким образом, *объектом исследования* является постсоветский нарратив коренного этноса Бурятии о советском прошлом. *Предметом исследования* выступают обнаруженные в нарративе дискурсы памяти. *Исследовательский вопрос* работы звучит следующим образом: Какие мемориальные дискурсы транслируются постсоветской литературой коренного этноса Бурятии, и какой из них является доминирующим?

¹⁰ Дубин Л., Гудков Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994.

¹¹ Там же.

Дизайн исследования представляет собой кейс-стади, где постсоветский нарратив коренного этноса Бурятии является центральным кейсом. *Основные методы* – полуструктурированное интервью и критический дискурс-анализ.

Эмпирическая база исследования состоит из интервью, собранных в г. Улан-Удэ в рамках проекта «Литературы коренного населения Сибири между Вторым и Четвертым миром», выполненного в Центре исторических исследований НИУ ВШЭ СПб. По результатам практической части, было проведено восемь интервью и письменных опросов в период с июля по август 2016 года.

Опросный лист включал в себя пять тематических блоков под следующими заголовками: «Литературные влияния», «Рефлексия автора», «Историческая память», «Издание книг», «Процесс». В каждом блоке было сформулировано от четырех до семи вопросов, что в совокупности составило тридцать пять вопросов¹². Также участниками проекта был составлен отдельный опросный список для редакторов, издателей и лингвистов. Перед началом интервью респондентам предлагалось самостоятельно выбрать удобный для беседы язык. Интервью, взятые на бурятском языке, позднее были переведены автором работы на русский. Для изучения постсоветской литературы Бурятии на институциональном уровне было проведено четыре интервью с представителями различных издательских проектов и журналов, включая «Байкал», «Байгал» (его версия на бурятском языке) и «Буряад-МОНГОЛ НОМ».

¹² См. подробнее в Приложении.

Глава 1. Теоретико-методологический обзор литературы

1.1. Историческая память наций.

Сегодня развитие исследований исторической памяти как отдельной предметной области относят к 1920-30-м гг. и, прежде всего, связывают с именем Мориса Хальбвакса. Ученик Анри Бергсона и Эмиля Дюркгейма, М. Хальбвакс впервые в рамках социального знания предложил разделить память на автобиографическую и коллективную, представив свою идею о существовании различных типов меморизации. Так, согласно Хальбваксу, воспоминания человека в значительной степени формируются и фиксируются под влиянием внешних обстоятельств, важность которых определяется социумом. Этот тезис ученый понимает как «социальные рамки памяти¹³», добавляя, что индивидуальное мышление способно к воспоминанию лишь потому, как оно находится под влиянием общего нарратива. Следовательно, по Хальбваксу, коллективная память – это социально обусловленное явление¹⁴, и в рамках структурно-функционального подхода выполняет роль стабилизирующего и консолидирующего¹⁵ инструмента, необходимого для поддержания общества как системы.

В своей работе «Коллективная и историческая память¹⁶» Хальбвакс затрагивает еще один важный для настоящего исследования термин – «память нации». Он пишет:

«За время моей жизни та национальная группа, к которой я принадлежу, стала сценой известного числа событий, о которых я говорю, что помню их, при том, что узнал о них только из газет или со слов тех, кто непосредственно в них участвовал. Они занимают место в памяти нации. Но сам я не был их свидетелем¹⁷».

¹³ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.

¹⁴ Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории/ под редакцией Л.П. Репиной. М.: Кругъ. 2008. С. 26.

¹⁵ Anastasio T., Ehrenberger K., Watson P., & Zhang W. Individual and collective memory consolidation: Analogous processes on different levels. MIT Press, 2012.

¹⁶ Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. №2-3. С. 8-27

¹⁷ Там же.

Для М. Хальбвакса этот термин, по-видимому, является тождественным понятию коллективной памяти. Так, он устанавливает четкую дистанцию между памятью индивидуума и памятью нации, отмечая, что последняя главным образом формируется посредством воспоминаний, которые не были и порой даже не могли быть зафиксированы в памяти отдельного человека.

Можно также обратить внимание, что особое значение в теории Хальбвакса отведено роли печатных медиа в процессе артикуляции нации. Именно они, согласно исследователю, являются главными инструментами в трансляции важных для социума воспоминаний и формировании исторической памяти нации¹⁸.

В случае Бурятии, ранние истоки национального исторического нарратива, важность которых акцентируется Хальбваксом, следует связывать с первыми летописями на старомонгольском и тибетском (XVII-XVIII вв.), распространившихся на территориях бурят-монгольских племен в связи с проникновением буддизма¹⁹. Именно в это время были написаны первые фольклорно-литературные и исторические сочинения бурят-монголов. Как отмечают исследователи, бурятские летописи того периода не были похожи на европейские, русские или даже собственно монгольские летописи²⁰. В исследованиях также подчеркивается, что летописные памятники XVII-XVIII вв. «пользовались большой популярностью у бурятских читателей, имели хождение исключительно в рукописях, которые распространялись библиофилами бурятских степей²¹». Одной из первых работ, дошедших до нас, является летопись "Балжан-хатан тухай дурдалга" (пер. с бур.: «Повествование о Бальжан-хатан»), написанная в начале XVIII в.²². Другим известным литературным источником XVIII в., является сочинение "Замын

¹⁸ Там же.

¹⁹ Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.

²⁰ Бадмаева Л. Б. Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №. 2. С. 203.

²¹ Там же.

²² Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. С. 9.

тэмдэглэл" («Записки о путешествии в Тибет»)²³, написанное бурятским Хамбо ламой Дамба-Даржа Заяевым в середине XVIII века.

В XIX и в начале XX вв. бурятская литература на старомонгольском продолжает свое развитие в летописном и печатном виде. Однако, модерная форма бурят-монгольского нарратива возникает лишь в 1920-х гг., вместе с поддержкой национальных литератур и массовой печати на автохтонных языках в рамках политики коренизации²⁴. В то же время советские национальные литературы попадают под контроль жесткой государственной цензуры, потому отсутствие свободной печати до конца 1980-х гг. делают концепцию «памяти наций» трудноприменимой для кейсов Бурятии и других автономных и союзных республик СССР. В этом смысле консолидирующий эффект²⁵ «памяти нации» кажется характерным для бурятского сообщества лишь после распада Советского Союза.

1.2. Травматический опыт сообществ

Дальнейшие исследования исторической памяти были представлены в работах П. Нора, Я. Ассмана, А. Ассман, П. Рикёра, Ж. Ле Гоффа, и в большинстве своем были посвящены изучению памяти отдельных сообществ. Популярной среди них сегодня является книга Алейды Ассман «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика²⁶» (2007), в которой рассматриваются особенности европейской памяти после трагического опыта Холокоста.

Отдельное внимание в книге Ассман уделяется понятию «травмы» как одной из ключевых моделей формирования памяти. Проблематика травматической памяти акцентируется ей с помощью вопроса: «Кто помнит?», подчеркивающего важность статуса вспоминающего. А. Ассман

²³ Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.

²⁴ Suny R. The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford University Press, 1993.

²⁵ Schacter D., Coyle J. Memory distortion: How minds, brains, and societies reconstruct the past. Harvard University Press, 1997.

²⁶ Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014

настаивает, что мемориальные нарративы значительно дифференцируются в зависимости от личностей акторов («победителей» и «побежденных», «преступников» и «жертв»). Изучая опыт триумфов и поражений, автор отдельно рассматривает их значение для национальной памяти сообществ. Она справедливо отмечает, что нации намного чаще предпочитают заострять триумфальные эпизоды своей истории, укрепляющие «положительные представления нации о самой себе и соответствующие определенным целеустановкам²⁷». Это наблюдение, однако, не означает, что национальная память стремится вытеснить или предать забвению все негативные моменты своей истории. В подтверждение данного тезиса Ассман обращается к фрагменту из доклада Э. Ренана «Что такое нация?», прочитанного им в 1882 г.:

«Да, общие страдания соединяют больше, чем общие радости. В деле национальных воспоминаний траур имеет большее значение, чем триумф: траур накладывает обязанности, траур вызывает общие усилия²⁸».

В отечественной литературе проблема травмы как одной из распространенных моделей формирования памяти подробно рассматривается в сборнике «Травма: пункты²⁹» под редакцией Сергея Ушакина и Елены Трубиной. Здесь травма становится категорией социального анализа и при этом изучается в трех разных направлениях: как опыт утраты, как символическая матрица и как консолидирующее событие³⁰.

Изучая травму как символическую матрицу, исследователи приходят к выводу, что травматические события не поддаются окончательной символизации, и притом нередко оказываются абсолютно безразличными к любым (в особенности, речевым) практикам меморизации. В результате потребность в проговаривании неосмысленного травматического опыта

²⁷ Там же.

²⁸ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах / пер. с французского под ред. В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С.101.

²⁹ Ушакин С. Нам этой болью дышать // О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-41.

³⁰ При обзоре литературе авторы ориентировались на работу *LaCapra D. Trauma Studies: Its Critics and Vicissitudes* // *LaCapra D. History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. Pp. 106–143.

заменяется совокупностью «переходных речевых артефактов»³¹, и, таким образом, «боль-как-воздух» становится жанром самодеятельной поэзии.

Подобное восприятие травмы обнаруживается характерным и для постсоветской Бурятии, где широкие репрессии против интеллектуалов начала XX века, антирелигиозная кампания, раздел Бурятской республики в 1937 году, и преследования бурят в Монголии стали основными лейтмотивами нарратива о советской истории бурят после десятилетий забвения и замалчивания.

Начиная с середины 90-х годов, авторы бурятских хроник нередко обращаются к последствиям раздела Бурятии как трагедии «разделенного народа»:

«Вспомним 1937 г., когда единая Бурят-Монголия была расчленена на пять частей. В результате был приостановлен процесс консолидации нации, приостановлено формирование единой национальной культуры, единой письменности, литературного языка. Буряты, оказавшиеся вне БМАССР, были лишены возможности участвовать в общенациональной жизни³²».

Одновременно с этим, в республике ревитализируется память о преследованиях бурят в Монголии, где в 1930-е годы «был репрессирован каждый пятый бурят³³», и «около 20 тысяч ушедших от репрессий бурят-монголов были расстреляны «тройками» НКВД в МНР³⁴».

Наиболее болезненными в этот период, однако, становятся воспоминания о репрессиях против бурятских интеллектуалов, когда по приказам политической верхушки был уничтожен весь «цвет бурятской нации»³⁵, «отцы бурят-монгольской государственности»³⁶.

По Э. Сантнеру, совокупность подобных дискурсивных практик приводит к фетишизации повествования, придающей себе форму

³¹ Ушакин С. Указ. соч. С. 17.

³² Чимитдоржиев Ш.Б. Бурят-монгольский этнос и монгольский мир // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999. С. 12-13

³³ О репрессиях против бурят в Монголии // Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/9114/> (дата обращения: 05.05.2017)

³⁴ Как реабилитировать свою республику // Новая Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newbur.ru/articles/10456> (дата обращения: 05.05.2017)

³⁵ Буряты – пора принять свою историю как она есть, и жить дальше // Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/blogs/4753/> (дата обращения: 05.05.2017)

³⁶ Как остановить языковой этноцид в Бурятии // Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/2695/> (дата обращения: 05.05.2017)

эффективного терапевтического средства от посттравматических воспоминаний и подразумевающей постоянное возвращение к травматическому опыту без рефлексии над пережитым³⁷.

В случае современной Бурятии фетишизация болезненных нарративов является достаточно распространенной в среде интернет-медиа и свойственна для таких виртуальных площадок как ARD (Asia Russia Daily)³⁸, нескольких тематических форумов «Сайта бурятского народа»³⁹, онлайн-сообществ в социальных сетях (ВКонтакте и др.), которые вновь и вновь заостряют свое внимание на трагических событиях бурятской истории. Но, при этом, стоит отметить, что для постсоветской литературы Бурятии подобный фетишизм актуален в гораздо меньшей степени. В частности, это объясняется тем, что в представленных литературных сюжетах обращения к болезненным эпизодам не обретают форму бессодержательных символических ритуалов.

Таким образом, теоретическая модель, разработанная авторами «Травма:пунктов», предлагает несколько ценных дополнений к методологии настоящего исследования. В первую очередь, предложенный С. Ушакиным подход, согласно которому, травма является единовременным *событием и процессом*⁴⁰, влияющими на взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, способствует более точной реконцептуализации хронологических рамок исследования, где образование БМАССР (в 1923 г.) и распад СССР являются формальными пограничными точками истории (и вместе с тем воспринимаются как единовременные *события и процессы*), а последующая хронология рассматривается как совокупность дискурсов и практик, определяющихся условиями «имперской» и «пост-имперской» ситуации⁴¹.

³⁷ Santner E. History beyond the pleasure principle: Some thoughts on the representation of trauma // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution. Harvard University Press, 1992.

³⁸ Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru> (дата обращения: 05.05.2017)

³⁹ Сайт бурятского народа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buryatia.org> (дата обращения: 05.05.2017)

⁴⁰ Ушакин С. Указ. соч. С. 7.

⁴¹ Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., and Semenov A. In Search of a New... Pp. 33–56; Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., and Semenov A. Do the "Assemblage Points" Exist? // Ab Imperio. 2014. №1. Pp. 16–21.

Вдобавок к этому, интерпретация травмы как «разрыва пережитого и его понимания⁴²», предложенная в «Травма:пунктах», оказывается важной в условиях перехода к постсоветскому разрыву⁴³ и возникшей пропасти между восприятием и осмыслением прошлого и настоящего, актуального для российских реалий сегодня.

1.3. Распространение грамотности и печатный капитализм

Травматический опыт сообществ обнаруживается важным не только в конструировании различных видов памяти, но также имеет ключевую роль для изучения национализмов.

Опыт травмы, в частности, является одной из фундаментальных основ теории Э. Геллнера, представленной в его работе «Нации и национализм» (1983)⁴⁴. Так, по Геллнеру, именно травмой или ответной реакцией на дислокацию маркирован переход от локальной к национальной идентификации, сформировавшейся в результате отказа от характерных атрибутов народной культуры (наречий, фольклора и др.) и интеграции в индустриальное сообщество.

Переживание этой травмы, к примеру, описывается в стихотворении бурятского поэта Солбонэ Туя (творческий псевдоним Петра Дамбинова), написанного в 1920-е гг.:

«Да что мне город многошумный,
Где только злобит злоба лжи?
Для меня так ново видеть здесь голодных,
Умирающих в пыли!
Рядом с ними видеть сытых беззаботных,
Пьяно тонущих в хмели!⁴⁵»

Но даже более наглядным в этом смысле кажется собственный комментарий поэта к стихотворению:

⁴² Ушакин С. Указ. соч. С. 35.

⁴³ Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири / Серия: Новые границы. М.: Новое издательство, 2013.

⁴⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991.

⁴⁵ Солбонэ Т. Моя совесть чиста. Избранные стихи, статьи. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992.

"Я видел город старый, город царский, город вожделенный... Не близок мне тогда был этот город... Старый город был для меня, для нас бурят, городом издевательства над детьми народностей "низшей" расы. <...> Мне казалось, что в городе буряту жить невозможно.⁴⁶".

Другие важнейшие аспекты теории Геллнера включают в себя влияние на формирование наций особенностей индустриального типа развития и характерной для него мобильности, культурной энтропии, распространенности высокой (т. е. письменной) культуры и анонимности членов сообщества⁴⁷.

В СССР книга Геллнера вышла в свет на рубеже 90-х гг. и бросила вызов общепринятым советским канонам о заведомо отрицательной природе «наций и национализмов». Как выразился в послесловии к книге И. Крупник:

«Что же открывает советскому читателю книга Геллнера о нациях и национализме? <...> Прежде всего—иное понимание нации⁴⁸».

Это объясняется тем, что сталинское определение «нации», а именно ее понимание как «исторически сложившейся устойчивой общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»⁴⁹ оказалось удивительно жизнеспособным и на протяжении нескольких десятилетий оставалось безответным к попыткам переосмысления и критического анализа. Поэтому структуралистский взгляд Геллнера и его идея нации, базирующаяся на принципе солидарности, сопричастности и добровольного признания членов нации в качестве таковых, вкупе с лозунгом о начале «века национализма» во многом перевернули распространенные представления о категории «национального».

В сущности, такое замечание могло бы подойти и для книги Бенедикта Андерсона «Воображаемые сообщества⁵⁰» (1983), во многом определившей будущую траекторию развития современных исследований национализма. Б.

⁴⁶ Цит. по: *Ким И.* Бурятская советская поэзия двадцатых годов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968.

⁴⁷ *Геллнер Э.* Указ. соч.

⁴⁸ Там же. С. 306.

⁴⁹ *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // *Сочинения.* Т. 2. М., 1946. С. 296.

⁵⁰ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001.

Андерсон рассматривает национализм в рамках постструктуралистской парадигмы, серьезно критикуя либеральный и марксистский подходы к изучаемой проблеме. По Андерсону, сообщества являются воображаемыми по причине близкой к «геллнерианской» идее анонимности сообществ, так как «члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности⁵¹».

Исследуя примеры различных воображаемых сообществ, Андерсон утверждает, что основным инструментом в конструировании их общности стал печатный капитализм: «...соединение капитализма и техники книгопечатания в точке фатальной разнородности человеческого языка <...> подготовило почву для современной нации⁵²». Согласно ученому, авторы бестселлеров и статей в печатных СМИ традиционно обращались к своим читателям, апеллируя к их коллективной общности, потому мотивы, звучащие в их произведениях, становились близкими и понятными каждому из них. Таким образом, художественная литература и печатные медиа стали основными механизмами, запустившими процессы возникновения воображаемых сообществ.

В методологическом смысле концепция «воображаемых сообществ» является ключевой для данного исследования, объясняя то, каким образом печатный капитализм, достигнув пика своего развития, становится основным генератором коллективных памятей и идентичностей.

1.4. Роль интеллектуалов в становлении наций

Наряду с печатным капитализмом и распространением грамотности, важная роль в артикуляции наций принадлежит интеллектуалам. Как утверждают Р. Сюни и М. Кеннеди, значение интеллектуалов здесь является ключевым, поскольку именно они выполняют наиболее важную

⁵¹ Там же. С. 31.

⁵² Там же. С. 69.

идеологическую работу по аккумуляции различных национальных нарративов, избранных исторических воспоминаний и интерпретаций опытов⁵³ в целях распространения «национального» чувства внутри своих сообществ.

Цитируя Э. Геллнера, Р. Суни и М. Кеннеди настаивают на важности его идеи о том, что своим возникновением национализм обязан новой форме образования и технологии, создавшим как интеллигенцию, так и медиа, с помощью которых интеллектуалы достигли грамотной части аудитории⁵⁴. Обращаясь к «Воображаемым сообществам» Б. Андерсона, авторы подчеркивают роль интеллектуалов-билингвов в процессе возникновения и развития антиколониальных национализмов⁵⁵. Так, согласно Андерсону, именно благодаря своему двуязычию, владению западными языками, доступу к западным идеям и культурам, интеллектуалы смогли проникнуться необходимостью распространения «национального» чувства внутри своих сообществ, усиливая его различиями между «колонизаторами» и «колонизированными»⁵⁶. Это, в свою очередь, обнаруживается характерным и для Бурят-Монголии начала XX века, где религиозные просветители, ученые и политические деятели внесли большой вклад в оформление пост-имперского устройства и создании национальной автономии.

Известно, что главные идеологи бурят-монгольской нации сформулировали свои политические требования уже после революции 1905 г., выступив с программой о наделении всех народностей Российской империи равными правами и начав распространять антиколониальные идеи в своих сообществах⁵⁷. После распада Российской империи, их требования стали звучать еще более отчетливо – в них они представили свои политические проекты в «автономистских» формах⁵⁸.

⁵³ *Suny R., Kennedy M. Intellectuals and the Articulation of the Nation. University of Michigan Press, 2001.*

⁵⁴ *Ibid. P. 18*

⁵⁵ *Ibid. P. 21.*

⁵⁶ *Андерсон Б. Указ. соч. С. 135-136.*

⁵⁷ *Sablin I., Korobeinikov A. Buryat-Mongol and Alash autonomous movements before the Soviets, 1905-1917 //AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples. 2016. Vol. 12 (3). P. 212.*

⁵⁸ *Ibid. P. 213*

Несмотря на то, что бурятские интеллектуалы по-разному представляли себе конечный продукт пост-имперского политического устройства Бурят-Монголии, они сумели объединить свои усилия в целях разработки общего проекта⁵⁹. В 1917 г. это движение возглавил Михаил Богданов, предложивший создать Национальную автономию бурят-монголов под управлением Бурятской национальной думы. О создании такого политического субъекта было объявлено на Первом Всебурятском съезде 25 апреля 1917 г.

Вместе с Богдановым в процессах политического оформления Бурят-Монголии в этот период участвуют такие известные бурятские просветители как Ц. Жамсарано, А. Доржиев, Б. Барадин, Д. Сампилон, Э.-Д. Ринчино, мыслившие конечное устройство национальной автономии в различных дискурсивных рамках, включая национализм, социализм и буддизм⁶⁰. Многие из этих проектов сочетали в себе черты западного либерализма и предлагали развитую многоуровневую систему управления.

Деятельность бурятских просветителей начала XX века имела большое значение для развития Бурят-Монголии во многих аспектах – от политики и образования до культуры и искусства. Позднее, часть из них вошла в состав научных и общественно-политических организаций, созданных в БМАССР, и приняла участие в развитии бурят-монгольской литературы в ее современном виде.

⁵⁹ *Sablin I. Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building.* – Routledge, 2016. P. 73.

⁶⁰ *Ibid.* P. 74.

Глава 2. «Модерная» литература Бурятии: от советской национальной политики к постсоветскому периоду

Основная цель данной главы заключается в изучении преемственности между бурятской литературой советского периода к постсоветскому. В ходе работы рассматриваются следующие вопросы: каким образом в Бурятии проходило развитие массовой печати и утверждение «языков-власти» в терминах Бенедикта Андерсона? Какие функции выполнялись советской литературой Бурятии? А также, как изменения в изучаемых нарративах резонировали с контекстом времени?

В начале данной главы исследуется динамика развития бурятской письменной культуры и формирования литературного языка, которые, согласно, Э. Геллнеру соответствуют одним из ключевых этапов становления наций:

«...суть национализма—в приобщении, причастности, принадлежности именно к высокой письменной культуре, охватывающей население всей политической единицы⁶¹».

Далее, рассматривается переход от «позитивного» периода в судьбе национальных культур (коренизации) и возникновению массовой печатной литературы к «негативному» курсу, когда в Бурят-Монголии развернулась борьба против панмонголизма, бурятские интеллектуалы были подвергнуты репрессиям, а бурятская письменность стала базироваться на кириллическом алфавите. Затем, в главе выделяются основные особенности развития бурятской литературы советского периода, и контекстуализируется ее современное состояние как постколониальной литературы.

Несмотря на распространенные представления о том, что происхождение бурятской литературы стоит относить к 1920-м гг.⁶², первые

⁶¹ Геллнер Э. Указ. соч. С. 203.

⁶² Бельгаев Г. Ц. Искусство бурят-монгольского народа // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 171-181. Хамаганов М.П. Бурят-Монгольская советская литература. Иркутск, 1951. Найдаков В.Ц. Литература Советской Бурятии [Электронный ресурс] // Литература Советской Бурятии. Улан-Удэ, 1973. С. 3-49. URL: http://baikalib.ru/o-zhizni-i-tvorchestve/item/189-literatura-sovetskoj-buryatii?switch_to_desktop_ui=1/administrator (дата обращения: 05.05.2017)

памятники бурят-монгольской литературы были известны еще с XVII-XVIII в.⁶³ Именно к этому периоду относятся первые летописи, религиозные сочинения на старомонгольском и тибетском языках⁶⁴ и первые светские произведения на сюжеты о полупоэтических истоках происхождения бурятских родов⁶⁵.

В XIX в. на бурятский язык переводятся библейские тексты. Так, в 1827 г. бурятским священником В. Татауровым, переводчиками Н. Унгаевым и Б. Моршунаевым под руководством монголоведа Я. Шмидта на бурятский язык был переведен Новый Завет, а в 1840 г. в Селенгинске англиканскими миссионерами Э. Сталлибрасом и В. Свэном в сотрудничестве с местными бурятами были переведены Старый и Новый завет⁶⁶. К важным памятникам бурятской литературы также можно отнести труды первого бурятского ученого-востоковеда Доржи Банзарова, в частности, книгу «Черная вера или шаманство у монголов» (1846).

В начале XX века бурятская литература переживает подъем, связанный с деятельностью известных интеллектуалов и религиозных просветителей – А. Доржиева, Ц. Жамсарано и Б. Барадина. В 1910 г. ими открыт первый бурятский издательский дом в Санкт-Петербурге, где публиковались оригинальные (непереводные) работы с использованием различных алфавитов⁶⁷. Ц. Жамсарано в литературе стал также известен как крупнейший собиратель фольклорного творчества бурят-монголов. В 1913 г. им было открыто первое периодическое издание Монголии «Новое зеркало».

Многие из бурятских просветителей начала XX века продолжили свою литературную деятельность после распада Российской Империи и основания БМАССР, сделав особый вклад в развитие массовой печатной литературы Бурят-Монголии в условиях начатой коренизации.

⁶³ Цыдендамбаев Ц. Б. Указ. соч. С. 9.

⁶⁴ Понне Н. Н. Бурятская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. / Т. 1. М.: Изд-во Ком. Акад. 1930.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Taveirne P. Han-Mongol Encounters and Missionary Endeavors: A History of Scheut in Ordos (Hetao) 1874-1911. Vol. 15. Leuven University Press, 2004. P.144

⁶⁷ Sablin I., Korobeinikov A. Buryat-Mongol and Alash autonomous... С. 217.

2.1. Коренизация: поддержка национальных языков и культур в БМАССР

Советское правительство запускает политику коренизации в 1923 г., когда на XII съезде РКП(б) и специальной конференции Центрального Комитета (ЦК) по национальной политике были приняты резолюции, постановившие, что властями будет оказана поддержка четырем формам существования наций: национальным территориям, языкам, элитам и культурам⁶⁸.

Считалось, что коренизация должна стать главным средством в борьбе партии с наследием царизма и необходима для установления доверительных отношений между советской властью и нерусским населением Союза посредством пропаганды на родном языке. Задачи этой политики во многом соответствовали большевистской идее о том, что национальное самосознание является частью капиталистической стадии развития, потому должна быть пройдена, а затем оставлена позади ради достижения важной черты коммунизма и интернационализма – универсальности, в противоположность национализму⁶⁹. По И. Сталину, план большевиков предполагал «максимальное развитие национальной культуры, с тем, чтобы она исчерпала себя до конца, а затем была создана база для организации международной социалистической культуры⁷⁰». Т. Мартин считал, что поддержка национальных культур нерусских народностей была необходима советским властям для того, чтобы «деполитизировать их путем проявления показного, нарочитого уважения к ним⁷¹».

Предполагалось, что поддержка национальных языков, использовавшимися элитами в пропаганде культурных ценностей наций, предоставит советским властям контроль в управлении основным маркером этничности, утвердившимся в таком статусе еще до социалистической

⁶⁸ Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.

⁶⁹ Chakars M. A. Buryat Literature as a Political and Cultural Institution from the 1950s to the 1970s //Inner Asia. 2009. Vol. 11 (1). Pp. 47-63.

⁷⁰ Сталин И.В. Марксизм и национально- колониальный вопрос. М., 1939. С. 211.

⁷¹ Мартин Т. Указ. соч. С. 25.

революции: «...по словам Слокума, хотя и незаконченный, переход от дифференциации на основе религии к языковой стал "трансформацией дискурсивного режима, революционным разрывом в традиции отношений русских с нерусскими народами".⁷² В целях содействия развитию национальных языков, в автономных и союзных республиках СССР начинают создаваться органы просвещения и культуры, а также особым образом подчеркивается вопрос о необходимости поддержки многоязычной и многонациональной литературы народов Советского Союза⁷³.

В БМАССР в середине 20-х годов эти задачи осуществлялась Буручкомом и Буриздатом. В этот период в работе данных учреждений принимают участие такие известные ученые и просветители как Б. Барадин, Г. Цыбиков, Ц. Жамцарано. Под руководством Б. Барадина Буручком занимался практически всеми вопросами, связанными с образованием и культурой: переводом на бурятский язык выпускаемой учебной и общественно-политической литературы, подготовкой и изданием учебников и учебных пособий, сбором и изучением материалов по фольклору и бурятскому языку⁷⁴. Постепенно ключевым вопросом в работе Буручкома становится необходимость создания новой письменности (взамен старомонгольского вертикального письма), которой предполагалось задать новую ориентацию в идентификации бурят-монгольского этноса, обозначив его принадлежность к российской общности (вместо монгольской)⁷⁵.

В 1920-е гг., однако, представители интеллигенции все еще придерживались разных позиций по вопросу о будущем бурятского языка. Так, Б. Барадин, еще в 1905 г. выступавший за переход на латиницу,

⁷² Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, "национальное" самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. №1-2. С. 67.

⁷³ *Hatherley O. Landscapes of Communism: A History Through Buildings. The New Press*, 2016.

⁷⁴ Юбилей востоковедного центра Сибири // *Наука в Сибири*. 2012. №25. С 4-5.

⁷⁵ *Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д.* Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX - первая треть XX веков) [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat/.

продолжил отстаивать свою точку зрения, жестко критикуя устаревшую, на его взгляд, старомонгольскую письменность. Он пишет:

"Несовершенства монгольского письма ощущаются особенно в последнее время, когда монгольские племена, получившие политическую свободу, стали лицом к лицу с новой культурой, интенсивно идущей из Европы в Азию через СССР⁷⁶".

В этот период Барадину оппонировали Г. Цыбиков и Б. Бадмаев, считавшие, что «переход на латинизированную письменность отдалит бурят от культурного наследия прошлого»⁷⁷.

В 1926 г. было принято решение в пользу перехода на латиницу, хотя старомонгольская письменность продолжала оставаться распространенной в пределах Бурят-Монголии. Окончательный переход на латинизированную письменность был осуществлен только в 1930 г.

В это же время другим важным вопросом в рамках национальной политики становится выбор будущей основы литературного бурятского языка. На территории БМАССР в этот период различают 4 основных диалекта: хоринский, цонголо-сартульский, эхирит-булагатский и аларо-тункинский (диалект хонгодорских родов). В 1931 г., однако, было принято решение, согласно которому литературный бурятский язык будет базироваться на диалекте халха-монгольского разговорного языка⁷⁸. Эта идея мощно лоббировалась одним из лидеров Бурятского Национального движения Цыбенем Жамсарано, мечтавшим о распространении халха-монгольского диалекта в пределах бывшей Цинской империи и его конституировании в качестве базы бурятского литературного языка⁷⁹.

Позднее, в виду страха перед панмонголизмом решение в пользу халха-монгольского диалекта было отменено, и на лингвистической конференции 1936 г. в качестве базового был выбран хоринский диалект. Такой результат

⁷⁶Материалы первого культурно-национального совещания Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1926. С.2.

⁷⁷Тезич М. Д. Языковая политика и ее роль в формировании нации в бурятской АССР (1923–1938) //Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2013. Vol. 2 (27). С.132

⁷⁸Баскаков Н.А. Основные процессы внутривидового развития тюркских финно-угорских и монгольских языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху / отв. ред. д-р филол. наук Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1969. С. 383-464

⁷⁹Sablin I., Korobeinikov A. Buryat-Mongol and Alash autonomous... P. 214.

был мотивирован несколькими причинами: во-первых, хоринский диалект был более близок к другим используемым бурят-монгольскими племенами наречиям; во-вторых, он был широко распространен территориально⁸⁰.

В своей работе «Воображаемые сообщества» Бенедикт Андерсон указывает, что формирование языков-власти в большинстве случаев является неосознанным и вызванным «взаимодействием человеческой разнородности, технологий и капитализма»⁸¹. Историю СССР, впрочем, автор относит к немногочисленным исключениям, сравнивая советскую языковую политику 30-х гг. с принудительной романизацией, проведенной Ататюрком с целью возвысить национальное сознание на основе турецкого языка. Касаясь истории СССР, Б. Андерсон пишет: «сначала была осуществлена антиисламская, антиперсидская принудительная романизация, а затем, в сталинские тридцатые, русифицирующая принудительная кириллизация»⁸². В БМАССР переход к кириллической системе письменности был осуществлен в 1939 г.

Одновременно с этим, к 1939 г. очевидным становится то, что период в истории СССР как империи «положительной» деятельности⁸³ подошел к концу. В Бурят-Монголии это осознание усиливается вместе с проведением широких репрессий против интеллигенции и элит, в ходе которых попутно «происходила и «зачистка» языка, были изъяты так называемые панмонголизмы, слова монгольского и тибетского происхождения, многие исконно бурятские слова»⁸⁴.

2.2. Массовая печатная литература Бурят-Монголии

Несмотря на широкую деятельность бурятских интеллектуалов, сконцентрировавших «свои творческие усилия на разработке механизмов воспроизводства и функционирования этнической культуры в ущерб

⁸⁰ Баскаков Н. А. Указ. соч. С. 388.

⁸¹ Андерсон Б. Указ. соч. С. 68.

⁸² Там же. С. 69.

⁸³ Мартин Т. Указ. соч.

⁸⁴ Батомункуев С. Д., Варнавский П. К., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (советский период) [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat2/ (дата обращения: 05.05.2017).

интегративному моменту⁸⁵», модерная литература Бурят-Монголии вскоре становится главным средством агитации и пропаганды социализма на родном языке. С этого момента важной характеристикой советской бурятской литературы становится безжалостная критика царистского наследия, одним из специфических проявлений которого стал считаться буддизм, именуемый в советских (как и в царских) текстах ламаизмом. В результате, ламаистское сословие, ранее мыслившееся «основным носителем и генератором бурятской этничности»⁸⁶, стало расцениваться как «паук, всосавшийся в живое народное тело», <...> одно «из основных бедствий народных масс», «язвой бурятского племени»⁸⁷.

В «Исповеди старого Гэлэна», написанной Х. Намсараевым в 1926 г., главный персонаж поэмы лама Бадма изображается автором как «морально и духовно опустившийся человек, развратник, спекулянт, шарлатан и взяточник»⁸⁸. Другие произведения Х. Намсараева, среди которых рассказы «Озорник Балдан», «Старик Банди», «Подкрадывающийся лама и бодливая овца», «Хозяин и батрак» и др., также сатирически описывают традиционный уклад жизни «эксплуататорского» класса.

Писатель Х. Намсараев, таким образом, становится одним из главных проводников советского идеологического курса в Бурят-Монголии, в своих произведениях демонстрируя, насколько взгляды «носителей феодально-клерикальной культуры», т. е. нойонов и лам, были далеки от нужд собственно бурятского этноса, представленного «трудящимися массами»⁸⁹. Это подчеркивалось тем, что нойоны и ламы помещались в один семантический ряд с русским царизмом и внешними завоевателями⁹⁰, а

⁸⁵ Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте... [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat/.

⁸⁶ Балдано М., Варнавский П. «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»: бурятская нация в советском идеологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2016. №412. С. 42.

⁸⁷ Шулукишин М. Двадцать лет бурят-монгольской литературы // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 140

⁸⁸ Найдаков В. Указ. соч. URL: http://baikalib.ru/o-zhizni-i-tvorchestve/item/189-literatura-sovetskoj-buryatii?switch_to_desktop_ui=1/administrator (дата обращения: 05.05.2017)

⁸⁹ Балдано М., Варнавский П. «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»... С. 43.

⁹⁰ Там же.

страдания народа под гнетом царского режима отождествлялась с эксплуатацией, осуществляемой тайши и баянами.

В 30-е годы широко известными становятся имена таких авторов, как Ц. Дон («Затмение луны», 1932, «Отрава от брынзы», 1935), Ж. Тумунов («Сэсэгма», 1938), Н. Балдано («Один из многих», 1937). Произведения этих писателей впоследствии были признаны классическими образцами соцреализма в национальных литературах, служившими подтверждением успешной интеграции бурятского национального нарратива в единую советскую литературу.

Но даже это не спасло многих именитых авторов от репрессий в связи с выражением идей «буржуазного национализма» и панмонголизма. В свое время жертвами политических расправ стали Ц. Дон, П. Дамбинов, Д. Дашинимаев и др.

Истории о трагических судьбах интеллектуалов, антирелигиозной кампании и разделе Бурят-Монголии, конечно, не находят никакого отражения в литературе, сохранившей максимально позитивное отношение к социалистическим идеям и практикам и полностью блокировавшей воспоминания о травме. Однако, болезненный опыт 40-х гг., переживаемый бурятскими писателями лично или посредством общесоветского коллективного опыта, позволяет литературе Бурят-Монголии достичь зрелости и частично сублимировать травматический опыт 1930-х путем воспроизводства глорифицирующей и сакрифицирующей памяти о подвигах и гибели бурятских солдат во время войны (Ж. Тумунов «Лейтенант Саханаев», «Степной орел», Н. Цыдынжапова «Снайпер», «Сын народа» и др.)

2.3. Развитие бурятской литературы во второй половине XX века

Послевоенный период в истории СССР характеризуется резким увеличением финансирования национальных литератур и, как следствие, ознаменован стремительным развитием книгоиздания в различных

автономиях Союза⁹¹. Местные и центральные власти продолжают считать многоголосую и многонациональную литературу определяющей чертой и особой ценностью советской нации. В этот период популярность различных жанров – от новелл и коротких рассказов до романов и пьес – служила весомым доказательством успешной модернизации бурят и их полноценной интеграции в советское общество. Авторские произведения активно осваивают платформы печатных медиа – выдержки из стихов и поэм часто оказываются на страницах местных газет. Постепенно в республике развивается культура толстых журналов: с 1947 г. начинает выпускаться литературно-художественный альманах «Байгал», а с 1948 г. – «Байкал»; на бурятском и русском языках соответственно.

В это же время литература Бурятии приобретает устойчивую институциональную форму, оказавшись под пристальным надзором местных партийных представителей, редакторов и издателей, осуществлявших контроль над подготовкой и публикацией материалов⁹². Власти и цензоры регулярно поощряли писателей, соответствовавших общепринятым стандартам и демонстрировавшим прогрессивный характер бурятской литературной традиции, жестко критикуя, при этом, тех, кто отказывался демонстрировать стопроцентную лояльность. Все в этой модели было направлено на огосударствление литературы как института, и особую роль в этих процессах играла «формовка советского писателя⁹³» через Высшие литературные курсы.

В 1950-70-е гг. для литературы Бурятии характерными становятся несколько сюжетных форм и тематических направлений. Во-первых, особым постоянством в литературе этого периода стала отличаться тема дружбы народов и идеалы интернационализма. Во многих произведениях (в частности, А. Бальбурова и Д. Батожабая) были представлены сюжеты о том, как «братские народы» СССР бок о бок трудились на благо Родины и

⁹¹ *Chakars M. A.* Buryat Literature as a Political and Cultural... P. 49.

⁹² Там же. P. 47.

⁹³ *Dobrenko E.* The Making of the State Writer Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001

объединились в борьбе с внешним врагом. В этом бурятская литература оказывается идентичной текстам других национальных литератур, где также усиленно пропагандировались ценности советского народа, отличавшегося своим богатым разнообразием⁹⁴.

Следующей важной темой в литературе того времени оказывается история начала XX века, которая интенсивно переосмыслялась в течение нескольких десятилетий. Неслучайно первые бурятские романы «Степь проснулась» и «На утренней заре», повествующие о революционных событиях 1905-17 г. были изданы лишь после Второй мировой войны. Для локальных и центральных властей того периода было важным создать «правильную»⁹⁵ историю бурят, показывающую, что они тоже были частью революционного, антиимперского движения и подтвердили свою «советскость» на практике.

Впервые за долгое время снимается табу с сюжетов о досоциалистическом прошлом. Бурятские писатели начинают обращаться к темам номадизма и раскрывают подробности своей дореволюционной истории. Но, что важно – писатели не стремились к прославлению данных сюжетов, а, наоборот, направили жесткую критику на отсталый, кочевнический образ жизни своих предков. Это, например, характерно для романа И. Калашникова «Жестокий век» (1978 г.), где автор не возвеличивает фигуру Чингисхана, а наоборот, изображает его в облике кровавого и беспринципного правителя.

В 1980-е годы, в особенности с началом перестройки, литературная жизнь Бурятии приходит в кризис. Сравнительно небольшое число произведений продолжает публиковаться в литературных журналах – среди них романы Д. Эрдынеева "Долг судьбы" и Д.-Д. Дугарова "Хангайская любовь", посвященные проблемам перестройки. Другие (например,

⁹⁴ *Coombs D.* Entwining Tongues: Postcolonial Theory, Post-Soviet Literatures and Bilingualism in Chingiz Aitmatov's *I dol'she veka dlitsia den'* // *Journal of Modern Literature*. 2011. Vol 34 (3). Pp. 47-64.

⁹⁵ *Chakars M.* Buryat Literature as a Political and Cultural ... P. 57.

исторический роман С. Норжимаева "Путем принуждения»⁹⁶ не находят своего издателя. Эта ситуация сохраняется и в 1990-е годы, когда финансирование национальных литератур резко прекращается, и многие печатные издания оказываются на грани закрытия.

2.4. *Постсоветская (постколониальная) литература Бурятии*

В большинстве современных источников развитие автохтонных литератур рассматривается через призму постколониализма – междисциплинарного подхода на стыке постструктуралистского, неомарксистского, постмодернистского и других критических течений, получивших освещение в области антропологии, социологии, политологии и т. д.⁹⁷ Развитие постколониализма относится к концу 1970 – началу 80-х гг., когда под влиянием трудов М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакана, Ж. Делёза был сформирован теоретический подход, нашедший отражение в работах Э. Саида «Ориентализм», Г. Спивак *Can the Subaltern Speak, Selected Subaltern Studies*, Б. Ашкрофта, Г. Гриффитс, Х. Тиффин *The Empire Writes Back: Theories and Practice in Post-Colonial Literatures* и др.

В рамках этого направления исследователями, в основном, изучались такие вопросы, как культурная гибридность, лиминальность (термин Х. Баба), наложение, господство/подчинение или любые другие формы взаимоотношений культур. Как утверждают исследователи, префикс *пост-* в этом смысле не является референцией к какому-то конкретному хронологическому периоду, а скорее, символизирует переход от монологичной евроцентристской модели к новому контр-дискурсу⁹⁸, который стремится отойти от обобщающих, «универсалистских» колонизаторских метанарративов. В таком виде постколониальная теория, главным образом, интересуется отношениями субъекта и власти, речевыми

⁹⁶ *Баяртуев Б. Д., Жапов В. Д.* Литература // Буряты / Серия «Народы и культуры» / под. ред. Л.Л. Абаевой, Н.Л. Жуковской. М.: Наука, 2004.

⁹⁷ *Gandhi L.* Postcolonial theory: A critical introduction. Columbia University Press, 1998.

⁹⁸ *Ashcroft B.* Postmodernism and Postcolonialism. Introduction// *The Postcolonial Studies Reader*. L.; N.Y.: Routledge, 1999. P. 117.

практиками и самой возможностью или невозможностью говорить и быть услышанным, наличествующими у различных коренных народов⁹⁹.

В книге *The Empire Writes Back: Theories and Practice in Post-Colonial Literatures*¹⁰⁰ Б. Ашкрофт, Г. Гриффитс, Х. Тиффин вырабатывают новый подход к постколониальной литературе. В рамках этого подхода «постколониальное» охватывает все культуры, оказавшиеся под влиянием имперского процесса с момента колонизации до настоящего дня¹⁰¹. Список постколониальных литератур обнаруживается крайне обширным и включает в себя десятки случаев от Индии до Новой Зеландии, а также Мальту, США и др. Исследуя кейсы постколониальных писателей, авторы монографии рассматривают их в качестве носителей пограничной идентичности, получивших право голоса лишь после освобождения от своих метрополий. Для многих аборигенных писателей, таким образом, литература оказывается средством расширения прав и возможностей, предоставившим платформу для озвучивания проблем индигенных народов¹⁰².

Для большинства видов постколониального письма (включая Америку, Канаду, Австралию, Индию, Африку и т. д.) характерен отказ от линейности нарратива, нарочитое эклектичное смешение (например, на языковом уровне, когда в текстах сохраняются выражения на родном языке, или повествование изначально ведется на «гибридном» наречии или диалекте¹⁰³). Считается, что именно в выборе *медиума*, средстве выражения, состоит самый главный «нерв¹⁰⁴» постколониальной литературы, так как авторы вынуждены выбирать между западным языком, доставшимся от колонизаторов, и родным, являющимся «составной частью антиколониальной борьбы»¹⁰⁵.

⁹⁹ Сухотина М. Продается местный колорит, или Комплекс вины в «Боге мелочей» Арундати Рой [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2010. N 2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/su23.html> (дата обращения: 05.05.2017)

¹⁰⁰ Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. *The empire writes back: Theory and practice in post-colonial literatures*. Routledge, 2003.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Justice D. H. Introduction: Conjuring Marks: Furthering Indigenous Empowerment through Literature // *The American Indian Quarterly*. 2004. Vol. 28, N 1. P. 10.

¹⁰³ Сухотина М. Указ. соч. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/su23.html> (дата обращения: 05.05.2017)

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ *wa Thiongo N. Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. London, 1981. P. 28.

В этом смысле постколониальность как специфический момент постимперской ситуации¹⁰⁶ может быть применима и для описания постсоветского пространства¹⁰⁷ с его гетерогенностью, возрождающимися национализмами¹⁰⁸, конструированием новых идентичностей и поиском «традиционных¹⁰⁹» культур. В таком случае коренные народы, обнаруживают себя в состоянии между Вторым (постсоциалистическим) и Четвертым (постколониальным) миром¹¹⁰ в зависимости от форм интерпретации коллективных опытов прошлого, а аборигенные постсоветские литературы под их авторством служат маркером критических, травматических или положительных аттитюдов, распространенных внутри индигенных сообществ сегодня.

В современной Бурятии автохтонная литература представлена в двух форматах: печатном и цифровом. Бумажная литература продолжает свое развитие в традициях «толстых журналов» («Байкал», «Байгал») и материалах, выпускаемых новыми издательскими проектами («Буряад-монгол ном»). Цифровая литература Бурятии, изначально базировавшаяся на платформе «Сайта бурятского народа», теперь осваивает все большее количество площадок – от социальных сетей, включая Facebook и др., до персональных сайтов¹¹¹.

Литературно-художественный и общественно-политический журнал «Байкал» сегодня является типичным представителем толстых журналов, ориентированным на «серьезную» литературу и придерживающимся консервативной линии, начатой еще в 1950-е гг.¹¹² После распада СССР, издание несколько раз переживало кризисные моменты: в середине 90-х

¹⁰⁶ Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., and Semyonov A. Do the “Assemblage... Pp. 16–21.

¹⁰⁷ Spivak, G., Condee, N., Ram, H., & Chernetsky, V. Are we postcolonial? Post-Soviet space // PMLA. 2006. Vol. 121 (3). Pp. 828-836.

¹⁰⁸ Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space // Nationalities Papers. 2002. Vol. 30 (2) Pp. 241-264.

¹⁰⁹ Hobsbawm E. The invention of tradition. Cambridge University Press, 2012.

¹¹⁰ Boliachevets L., Sablin I. The Second or the Fourth World: Critique of Communism and Colonialism in Contemporary North Asian Literature // Ab Imperio. 2016. №2. Pp. 382-425.

¹¹¹ См., например, <http://stepisvet.ru>

¹¹² Интервью с Булатом Аюшеевым. Улан-Удэ. 11 июля 2016 г.

журнал был закрыт в связи с недостатком финансирования и начал функционировать лишь десятилетие спустя. В 2014 г. журнал вновь оказывается на грани закрытия и остается на плаву лишь с помощью государственной поддержки и включения в программу Министерства культуры Бурятии «По сохранению и развитию бурятского языка¹¹³». Это же справедливо и для версии «Байкала» на бурятском языке, который сегодня в значительной степени опирается на спонсорскую поддержку и, при этом, испытывает явный недостаток в молодых авторах и читателях¹¹⁴. Тиражи обоих изданий сегодня составляют от 200-300 до 500 экземпляров¹¹⁵.

Наряду с «толстыми журналами» в печатной сфере Бурятии представлен издательский проект «Буряад-монгол ном», открытый в рамках программы, направленной на поддержку бурятского языка, бурятской культуры и искусства. По словам руководителя проекта Дмитрия Галсана, «Буряад-монгол ном» является некоммерческой инициативой, редко окупаемой, а уж тем более приносящей доход¹¹⁶. Этим же, в том числе, объясняются небольшие тиражи выпускаемых книг: от 1 до 3 тысяч. Как считает Д. Галсан, онлайн-формат в этом смысле предоставляет гораздо больше возможностей в развитии и распространении литературы – в частности, в связи со способностью мгновенного доступа к аудитории.

Особое значение Интернета для развития индигенных литератур объясняется несколькими причинами. Во-первых, онлайн-среда предлагает максимально доступный формат творчества, свободный от финансовых затрат и посредников (издателей, редакторов и лингвистов), контролирующих писательский процесс. Иными словами, цифровая сеть позволяет субальтернам говорить вслух, не обращаясь при этом к

¹¹³ Государственная программа «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия» [Электронный ресурс] // Сайт Министерство образования и науки республики Бурятия. URL: <http://edu03.ru/napravleniya/projects/gosudarstvennaya-programma-sohranenie-i-razvitie-buryatskogo-yazyka-v-respublike-buryatiya.html> (дата обращения: 13.05.2017)

¹¹⁴ Интервью с Галиной Дашеевой. Улан-Удэ. 2 августа 2016 г.

¹¹⁵ Интервью с Булатом Аюшеевым.

¹¹⁶ Интервью с Дмитрием Галсаном. Улан-Удэ. 6 августа 2016 г.

официальным каналам или представителям¹¹⁷. Кроме этого, глобальная сеть расширяет возможности литератур коренных народов в рамках сохранения и увеличения языкового материала¹¹⁸, предоставляя авторам платформу для творчества на двух языках, где государственный язык выполняет основную связующую функцию с аудиторией, а родной – является символом особой близости читателя и нарратора, принадлежащим к одной языковой и культурной среде.

В этих условиях, широкая популяризация онлайн-среды (в «Живом Журнале», в «Журнальном зале» и других различных форумах) предложила реальную альтернативу для развития национальных литератур после резкого снижения финансирования печатного рынка после распада СССР. В случае Бурятии основной платформой для развития цифровой литературы стал «Сайт бурятского народа», постоянная аудитория которого начала складываться в 2001-2002 годах¹¹⁹. На площадке сайта авторы получали фидбэки¹²⁰ и поддерживали общение с форумчанами путем взаимобмена личными историями, впоследствии ставшими частью коллективного исторического опыта¹²¹ в онлайн-измерении.

¹¹⁷ *Belton K.* From cyberspace to offline communities: Indigenous peoples and global connectivity // *Alternatives*. 2010. Vol. 35 (3). Pp. 193-215.

¹¹⁸ *McHenry T.* Words as Big as the Screen: Native American Languages and the Internet // *Language Learning & Technology*. 2002. Vol. 6 (2). Pp. 102--115.

¹¹⁹ Wayback Machine. URL: https://web.archive.org/web/19960401000000*/http://buriatia.org. (дата обращения: 05.05.2017)

¹²⁰ Интервью с Дмитрием Галсаном.

¹²¹ *Chikonzo A.* *Op. cit.* Pp. 132-138.

Глава 3. Дискурс-анализ эмпирических материалов

В рамках настоящей работы для изучения эмпирических данных, включая результаты интервью и художественные тексты современных авторов Бурятии, применяется методология критического дискурс-анализа (КДА). Междисциплинарный характер КДА, интерес исследователей (Т. ван Дейк, Н. Фэрклоу, Р. Водак, П. Чилтон) к властным отношениям и внимание к опыту субальтерных групп¹²² определили выбор данного подхода в изучении опыта коренных народов в контексте глобальных постколониальных и постсоциалистических дискурсов.

В ходе работы с интервью и художественными текстами был использован дискурсивно-исторический подход КДА¹²³, акцентирующий внимание на контекстуальном фоне в интерпретации текстов и дискурсов, а также инкорпорирующий методы полевого исследования и этнографии («взгляд изнутри»). Важным в данном контексте является и то, что КДА, в отличие от других видов дискурсивного анализа, не претендует на объективность и не стремится к полной социально-нейтральной позиции¹²⁴. Как пишет Т. ван Дейк: «критические дискурсивные исследования не являются нейтральными; они разделяют интересы подчиненных социальных групп¹²⁵».

В ходе изучения эмпирических материалов было выделено три ключевых дискурса памяти: изоляционистский, официальный советский и травматический. Помимо изучения лингвистического наполнения текстов, формирующего дискурсы, а также их социального контекста¹²⁶, в данной работе были изучены формы, структуры, содержание и сюжетные составляющие художественных текстов. Кроме того, особое исследовательское внимание уделялось специфике взаимоотношений между

¹²² Van Dijk T. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1995. Vol 1 (1). Pp. 17-27.

¹²³ Wodak R. The discourse-historical approach // Methods of critical discourse analysis. Sage, 2001. Pp. 63-94.

¹²⁴ Van Dijk T. Principles of critical discourse analysis // Discourse & society. 1993. Vol. 4 (2). Pp. 249-283.

¹²⁵ Ван Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.

¹²⁶ Chouliaraki L., Fairclough N. Discourse in late modernity. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. P.113.

рассматриваемыми дискурсами, обусловивших формирование единого, хотя и гетерогенного пространства исторического нарратива.

3.1. Изоляционистский дискурс

В ходе интервью многие опрошенные респонденты продемонстрировали, что настоящее и прошлое бурятского сообщества мыслится ими в автономии от советского/российского опыта. Специфичность и исключительность опыта бурят в общеисторическом и социальном контексте акцентируется ими с помощью таких референций как «мы», «нас», «наш/наши»:

«Это пример такой маргинальной работы, когда *мы вытолкнуты и на окраину монгольского мира, и на окраину русскоязычного мира...*¹²⁷» (Д. Галсан, руководитель издательского проекта «Буряад-монгол ном»).

«На самом деле это трагедия для *наших* потомков. Исчезнут национальные атрибуты: бурятский театр, бурятская литература, пресса. Встанет вопрос о ликвидации республики. Монгольский мир нас уже не будет воспринимать как *своих*. И будут ходить буряты (вернее, потомки бурят), неприкаемые – *и не европейцы, и не азиаты*» (А. Гатапов, автор романа «Тэмуджин»).

«Что касается современности, то внезапно оказывается, что *наше* положение практически столь же печально, как и у бурят до 1923 г. Сегодня *мы* даже не можем правильно воспитать молодежь. Современное поколение бурят не знает *свою* национальную историю и предпочитает максимально удаляться от всего того, что маркирует их в качестве бурят» (Ж. Бадагаров, лингвист, соруководитель проекта «Буряад-монгол ном»).

Как можно заметить, в нарративах респондентов преобладает негативное представление о прошлом и о настоящем бурят как общности, формировавшейся под влиянием *других* (доминантных политических групп) и вынужденной взаимодействовать с последствиями этой политики сегодня. В этой связи, здесь можно наблюдать формирование специфического колониального эффекта, гибридной идентичности¹²⁸ («*и не европейцы, и не азиаты*», «*вытолкнуты и на окраину монгольского мира, и на окраину русскоязычного мира*»), когда колонизированные народы вынуждены «смотреть на себя одновременно «изнутри» и «снаружи» глазами

¹²⁷ Интервью с Дмитрием Галсаном.

¹²⁸ Bhabha H. The location of culture. Routledge, 2012.

колонизаторов»¹²⁹. Это самоотчуждение в первую очередь отмечается на уровне языка¹³⁰, используемого для описания собственного опыта в оппозиции к *другим*.

Рефлексируя над текущим положением этноса, респонденты также демонстрируют беспокойство в своей уязвимости перед глобализацией, угрожающей размыть традиционные культуры, идентичность и коллективную память коренных народов¹³¹. В таком виде глобализация рассматривается ими как вызов, локализирующий коренные народы Северной Азии в Четвертом мире¹³² и, тем самым, изолирующий их наедине с общими для малых народностей проблемами исчезновения и вымирания.

В похожих «автономистских» терминах писатели мыслят и свою читательскую аудиторию. Так, например, цифровой автор Булат Молонов считает, что широкие возможности онлайн-формата позволили ему установить неформальный диалог с читателем в жанре коротких рассказов от первого лица и сохранить аутентичные фразы на бурятском языке:

«Понимаете, я как считаю: что читают, в основном, эти тексты *«бурятосы», буряты. И это буряты, которые хорошо знают свой язык. И для них это может иметь какое-то значение. То есть, я имею в виду – наверное, с бурятским языком все, что описывается в книге, представляется более реальным. Да, наверное, я, сохранил бурятские выражения для того, чтобы придать своему тексту реальности».*

В этом его поддерживает Д. Галсан, руководитель издательского проекта «Буряад-монгол ном»:

«...а наша целевая аудитория – *это бурятское население, которое знает бурятский язык, и которая как раз-таки очень занято процессом выживания. Природная среда деревни, как экономического пространства, во многом подорвана. Люди урбанизируются, стремятся уехать в город, и аудитория сокращается...*¹³³».

¹²⁹ Кукулин И. Внутренняя постколонизация: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-х-2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846.

¹³⁰ Fanon F. Black Skin, White Masks. New York, 1967.

¹³¹ Belton K. From cyberspace to offline communities... Pp. 193-215.

¹³² Boliachevets L., Sablin I. The Second or the Fourth World... Pp. 382-425.

¹³³ Интервью с Дмитрием Галсаном.

В таком виде читательская аудитория оказывается особым маркером, оформляющим границы «воображаемого сообщества¹³⁴», включение или исключение из которого осуществляется по принципу владения родным языком. В этой связи, сокращение аудитории, отмеченное Д. Галсаном, может считаться характерным не только для читателей как отдельной группы, но и для бурят, в целом. Изменения традиционного уклада жизни и урбанизация, в этом смысле понимаются Д. Галсаном в качестве процессов, разрушающих пространство коллективной памяти и идентичности посредством отстранения бурят от чтения национальной литературы.

Относительно коллективных представлений, стоит также подчеркнуть, что в категорию «мы» некоторые респонденты включают бурят, проживающих или проживавших вне территории современной республики Бурятия:

«*Наши монгольские буряты – это уникальные люди, возьмите того же Сэнгийн Эрдэнэ. Мы уже практически закончили печатать его книгу «Встретимся в следующей жизни». <...> После Чойнома (прим.: монгольского писателя) мы стали давать материалы монгольских бурят. Это те, кто с самого раннего времени собирал *страдальческую* историю [их] судьбы. Так, при Чойбалсане сколько было убито человек...¹³⁵» (Г. Дашеева).*

Так, можно убедиться, что лимиты представлений об общем коллективном опыте бурятского сообщества имеют свойство меняться и расширяться вне зависимости от территориальных, национальных или культурных границ. Особую роль в этих изменениях играют воспоминания об общих страданиях (например, преследования бурят в МНР), транслируемые сквозь кросскультурные и трансграничные коммуникации.

Продолжая разговор об исторической памяти, можно обратить внимание, что достаточно распространенной в ответах респондентов также является отсылка к деятельности бурятских интеллектуалов и религиозных просветителей начала XX века. Как считает Ж. Бадагаров, лингвист и соруководитель проекта «Буряад-монгол ном», создание БМАССР было не

¹³⁴ Андерсон Б. Указ. соч.

¹³⁵ Интервью с Галиной Дашеевой.

столько заслугой большевиков, сколько достижением основных идеологов национально-автономистских проектов Бурят-Монголии в начале XX века. Главным, по его мнению, было то, что буряты, наконец, «получили свой собственный политический проект¹³⁶». В этом его поддерживает Б. Молонов, говоря о том, что в 1923 г. бурятская интеллигенция сумела защитить свои политические интересы, норматизировав политоним «бурят-монголы:

«Это означало, что *мы* монголы, бурят-монголы. *Мы с монголами один и тот же народ* – в то время люди об этом знали. Все говорили на бурятском, а письменность велась на латинице. Все монголы могли прочесть ее¹³⁷.

Подчеркивая общность с монгольским миром, Б. Молонов также вспоминает панмонголистские проекты 1910-20-х гг., амбициозность которых, по словам автора, продемонстрировала мощь и величие бурят-монгольского этноса обеим рухнувшим, Цинской и Российской, империям¹³⁸.

В целом, специфика «изоляционистского» дискурса указывает на то, что, несмотря на общее для респондентов «автономистское» видение прошлого, настоящего и будущего бурят, в представлениях о лимитах этого «воображаемого сообщества» существуют широкие вариации. Если автономность от общероссийского или общесоветского исторического опыта является для большинства бурятских авторов, издателей и лингвистов несомненной, то возможность экстраполяции данного опыта на родственные группы (например, «монгольских бурят») некоторым из них кажется сомнительной. Наиболее значимую роль в артикуляции коллективной идентичностью играют два момента: это, во-первых, надежда на сохранение «вымирающего» бурятского языка с помощью обозначения культурно-языковой принадлежности к монгольскому этносу («бурятский язык исчезает, а халха-монгольский не исчезнет никогда¹³⁹»), а, во-вторых, воспоминания о былом величии бурят в их домодерном прошлом.

¹³⁶ Интервью с Жаргалом Бадагаровым. Улан-Удэ. 7 августа 2016 г.

¹³⁷ Интервью с Булатом Молоновым, Skype. 13 июля 2016 г.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Интервью с Г. Дашеевой.

3.2. Официальный советский дискурс

Несмотря на широкую распространенность «автономистских» представлений о прошлом бурят, для нескольких представителей литературного круга также характерно воспроизведение официальных советских нарративов.

Так, по мнению А. Гатапова, автора романа «Тэмуджин», наиболее важным опытом в мировой истории являются практики построения социалистического общества. Глобальные политические преобразования в рамках социалистической парадигмы понимаются им в качестве механизмов всеобщей модернизации:

«...мировая олигархия в страхе перед рабочим движением пошла на значительные уступки перед народными массами и были приняты более гуманные законы, по которым теперь живет *передовое* человечество¹⁴⁰».

К результатам имплементации марксистской интеллектуальной мысли в рамках глобального опыта он также относит пацифистский характер современной конъюнктуры без «восстаний и революций» и преодоление колонизации путем разрыва с «капиталистическим» прошлым:

«Если бы <...> Маркс не расшифровал закон капитала: товар-деньги-товар и не открыл этим глаза людям на реальную природу материального мира, все оставалось бы по старому принципу: узкая кучка высасывает все соки со всего остального общества¹⁴¹».

Для Бурятии, по его словам, это также имело ключевое значение, поскольку именно социалистическая революция позволила бурятам стремительно модернизироваться, массово овладеть грамотностью и «из темных неграмотных скотоводов превратиться в *передовой* народ¹⁴²». В таком виде, идеи Гатапова о позитивном эффекте советских преобразований не только соответствуют дискурсу официальной пропаганды, но также оказываются в одном ряду с евроцентристским взглядом¹⁴³, где

¹⁴⁰Письменное интервью с Алексеем Гатаповым. 22 августа 2016 г.

¹⁴¹Там же.

¹⁴²Там же.

¹⁴³*Boliachevets L., Sablin I. The Second or the Fourth World... С. 387.*

модернизация приравнивается к вестернизации, а социализм мыслится высшей формой¹⁴⁴ развития цивилизаций.

Хотя Б. Молоновым социалистический этап в истории бурятской нации рассматривается в иных терминах, для него также характерно точечное воспроизведение официального патриотического нарратива о прошлом. Самым важным событием XX века для него является День победы, ставший подытоживающим результатом примеров морального противостояния добра и зла в глобальной истории:

«Да, День Победы над фашизмом. Ага. Фашизм не пройдет, добрые силы победили и все в таком духе. Ведь наши типа были добрые, а те – злые, агрессоры, всех завоевывали, всех убивали. А тут взяли и проиграли. Добро победило зло. Зло было уничтожено. Это самое важное¹⁴⁵».

В случае Молонова можно говорить об остаточном влиянии державного¹⁴⁶ дискурса, сформировавшегося в брежневское и пост-брежневское время. Потому, для писателя, взросление которого пришлось на пик развития большого государственного проекта «памяти о войне¹⁴⁷», глорифицирующий нарратив, возвращающий к утраченным лучшим временам или былому величию страны¹⁴⁸ не кажется чем-то противоестественным.

Что характерно, в своих коротких рассказах Б. Молонов также часто обращается к событиям 80-х гг. В них автор с ностальгией вспоминает о детских и юношеских годах в родном селе, о школе, о взаимоотношениях с близкими:

«...Потом прошли годы. Шёл я по улице Сеула и шёл дождь. Я был без зонта, промокший до нитки. Навстречу – торопливые прохожие, машины... Смотрю на это всё и вижу перед своими глазами Родную Хэжэнгэ... Её улицы, залитые дождём. Вижу свой родной дом. Вижу лица своих родных. Слышу песню вольного ветра, гуляющего по кижингинской

¹⁴⁴ Appadurai A. *Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, MN, 1996. Riddell J. *From Marx to Morales: Indigenous Socialism and the Latin Americanization of Marxism* // *Monthly Review: an Independent Socialist Magazine*. URL: <https://mronline.org/2008/06/17/from-marx-to-morales-indigenous-socialism-and-the-latin-americanization-of-marxism/> (date accessed: 05.05.2017).

¹⁴⁵ Интервью с Булатом Молоновым,

¹⁴⁶ Болтунова Е. Державность по-советски: имперское пространство советских 70-х // *Новое литературное обозрение*. 2013. №5. С. 89-103.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Абрамов Р. Н. *Время и пространство ностальгии* // *Социологический журнал*. 2012. №4. С. 5-23.

степи. Чувствую запах родной улицы. Стосковался я по Тоонто Ньютаг (прим.: по Родине), дорогие мои, стосковался ужасно!¹⁴⁹»

На первый взгляд, может показаться, что для Молонова характерно идеализированное представление о советском прошлом, сформировавшееся под влиянием ностальгических воспоминаний и тоски по Родине. Но стоит обратить внимание, что тексты Молонова фактически не референтны к размышлению о «советском» как таковом, а, скорее, обращены к частным вне-контекстным воспоминаниям о родном селе, о близких и друзьях. Потому, ностальгия в случае автора обуславливается не столько ретроспективным возвращением в «светлое» прошлое¹⁵⁰, сколько поддержанием коллективного пространства памяти с жителями небольшого этнически гомогенного бурятского села, где автор провел свое детство и юность.

В целом, можно сделать вывод о том, что официальный советский дискурс не является характерным для современного нарратива Бурятии в каком-то весомом смысле. Как упоминалось ранее, в советских бурятских текстах 1950-70-х гг. были популярны несколько сюжетов: дружба народов, критика досоциалистического периода, включая номадизм и фигуру Чингисхана, а также особое внимание к участию бурят в революционной борьбе против буржуазии¹⁵¹. Сегодня ни одна из перечисленных тем не является распространенной в постсоветской литературе Бурятии, для которой свойственно воспроизведение положительного представления о Чингисхане как о важнейшей фигуре второго тысячелетия («Тэмуджин» А. Гатапова в оппозиции к «Жестокому веку» И. Калашникова), тема ксенофобии («Чукча» Г. Башкуева) вместо дружбы народов и полное отсутствие сюжетов о революционном и предреволюционном периоде в истории бурят.

¹⁴⁹ Молонов Б. Танец орла. Улан-Удэ, 2014.

¹⁵⁰ Абрамов Р. Н. Указ. соч. С. 5-23.

¹⁵¹ Chakars M. Buryat Literature as a Political and Cultural Institution... Pp. 47-63.

3.3. Травматический дискурс

В ходе изучения эмпирических материалов было выделено два ключевых эпизода в травматических воспоминаниях авторов, издателей и лингвистов – события 1937 и 1991 годов. Применяя к ним предложенную С. Ушакиным концепцию травмы как единовременного события или/и процесса¹⁵², а также разрыва пережитого и его понимания¹⁵³, мы можем рассмотреть роль их продолжительного влияния на дискурс, а также проследить запущенные ими изменения в исследуемых имперских и пост-имперских ситуациях¹⁵⁴.

По мнению прозаика и драматурга Г. Башкуева, 1937 год оставил особый трагический след в истории Бурятии, поскольку воспоминания о жестоких политических репрессиях над интеллектуалами, массовых ссылках и гонениях на буддизм, были в несколько раз усилены переживанием «трагедии разделенного народа»:

*«И эта дата как раз совпала с репрессиями, в том числе и лам, и лучших людей нации, интеллигенции бурятской, и расчленение Бурятии. Это национальный вопрос. Если вспомнить, то 37-й год стал *двойким* и *одиозным* для Бурятии. <...> И я какую-то вижу в этом всем мистическую взаимосвязь. И то, что *37-й год совпал* – в этом всем есть буддийская мистика. И год именно по национальному вопросу. Собственно, Сталин разделил Бурятию, потому что боялся панмонголизма: «разделяй и властвуй»¹⁵⁵».*

Подобная интерпретация событий 1937 года характерна и для Б. Молонова, подчеркнувшего важность памяти о широких репрессиях против интеллигенции и религиозных просветителей – Хамбо Итигэлова, Лубсан-Сандана Цыденова (основателя теократической монархии на территории Кодунской долины в 1919 г.) и последовавшим за ними разделении БМАССР на несколько частей:

«И важно, что в это же время ведь все наши великие люди – Элбэг-Доржи Ринчино, Цыбен Жамсарано, Базар Барадин – жили. <...> И какими сильными ламы были. А потом Сталин их всех погубил. Помните, была статья такая «панмонголизм»? По этой статье весь свет бурятской интеллигенции был

¹⁵² Ушакин С. Указ. соч. С. 7.

¹⁵³ Ушакин С. Указ. соч. С. 35.

¹⁵⁴ Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., and Semenov A. *In Search of a New...* Pp. 33–56; Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., and Semyonov A. Do the “Assemblage... Pp. 16–21.

¹⁵⁵ Интервью с Геннадием Башкуевым. 2 августа 2016 г.

уничтожен. А позже их дети преследовались как дети изменников Родины...¹⁵⁶»

Любопытно, что оба автора, при этом, охарактеризовали карательную советскую политику против панмонголизма формулой «разделяй и властвуй». Маркировав большевицкую власть в качестве источника «имперскости», писатели продемонстрировали четкое отхождение от официального советского дискурса, акцентировавшего внимание на абсолютной противоположности царизма и советского социализма. Потому важным, в этой связи, оказывается подчеркнуть осуществление коренного идеологического разрыва, позволившего писателям переосмыслить советский этап в связи с его трагическим содержанием.

К болезненному опыту 1930-х гг. обращается и цифровой автор *tri_tabuna* в своем рассказе «Последнее чудо будды¹⁵⁷», посвященном теме антирелигиозного насилия 1930-х гг. Главный герой рассказа, мальчик Аюша, прислуживает в дацане и присматривает за Зандан-жуу – священной статуей Будды, располагающейся ныне в Эгитуйском дацане. По ходу развития сюжета, читатель наблюдает за развитием кровавых событий – погромом дацана и убийством настоятеля – осуществленных бурятскими коммунистами в «кожаных пальто»:

«Аюша отошел в сторону от мужчины. Из дацана выносили разные вещи: скамейки, книги, статуи, даже павлиньи перья. Последним вынесли Зандан-жуу. <...>

Зандан-жуу завернули в большой ковер и положили в грузовик, как и остальной скарб. За воротами дацана собрались люди из деревни. Бабушка Хубудэ плакала: “Зандан-жуу забирают”. Остальные тоже заплакали. Приехавшие вышли за ограду, чтобы успокоить людей¹⁵⁸».

В попытке спасти Зандан-Жуу, Аюша залезает в грузовик, где оказывается придавленным упавшей на него скульптурой. Однако, мальчик не умирает в строгом физическом смысле, а «перерождается» в сакральном,

¹⁵⁶ Интервью с Булатом Молоновым.

¹⁵⁷ *tri_tabuna*. Последнее чудо Будды [Электронный ресурс] // Сайт Бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=1653&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=3a14c5ab74cb762b6dbfc7cfd0bc0b89> (дата обращения: 05.05.2017)

¹⁵⁸ Там же.

мистическом – став копией Будды из сандалового дерева. Двойственный финал рассказа, тем самым, может служить метафорической интерпретацией судьбы буддизма в Бурятии, который смог спастись от полного уничтожения и переродиться в десекуляризованном постсоветском периоде.

Таким образом, несмотря на то, что травматические нарративы о сталинском терроре и массовых депортациях эхом раздаются по всему постсоветскому пространству, в сознании современных бурятских интеллектуалов коллективный опыт 1937-го года кажется абсолютно исключительным в условиях синхронического развертывания событий – репрессий против лучших людей нации¹⁵⁹, религиозных гонений и раздела Бурят-Монголии – которые, по их мнению, приобрели форму культурного этноцида.

Но, несмотря на это, 1991 год, символизирующий точку коллапса СССР, мыслится даже более значимым в рамках личного или коллективного опыта авторов, издателей и лингвистов.

Для Г. Башкуева трагизм коллапса во многом связан с «профессиональной травмой» – по его мнению, именно после 1991 г. его писательская карьера пришла в упадок:

«В СССР труд писателя хорошо оплачивался – и тут 91-й год, все гонорары упали, и жизнь разломилась на две части. По сравнению с СССР труд писателя обесценился <...> Писательство для меня – это основная работа, хотя если бы не распад СССР, я бы сейчас цвел и пах. А так только мои пьесы в жанре комедий гуляют по России, а раньше пьесы были самыми кассовыми и высокооплачиваемыми, я бы сейчас жил лучше всех бизнесменов. Я считаю себя профессионалом, но из-за рыночных отношений и необходимости выживать в таком состоянии литературы приходится заниматься писательством как хобби. В неделю я могу четыре дня лихорадочно что-то делать в качестве журналиста, редактора, писать какие-то идиотские сценарии, а только два дня остается на хобби, то есть на писательство¹⁶⁰».

Психология разлома, разделившая жизнь писателя на «до и после», в целом, очень точно описывает имеющейся массив травматических воспоминаний о событиях после распада Союза. Вслед за Башкуевым,

¹⁵⁹ Интервью с Геннадием Башкуевым.

¹⁶⁰ Там же.

большая часть авторов обозначает 1991 г. в качестве начала коренных изменений в жизни бурятской нации – начиная от языкового и культурного кризиса, заканчивая тяжелым социальным и финансовым положением в республике.

Между тем, разрыв с советским прошлым, по мнению Башкуева, также наметил крайне опасные вехи в развитии страны, став отправной точкой широкого распространения таких негативных явлений как ксенофобия:

«Вот мы говорим о толерантности, нетерпимости, и это, в большей степени, касается России, в которой ксенофобия стала обыденной вещью. Терпимость – нетерпимость, здесь как у Льва Толстого: кто-то сказал другому гадость, которая везде перешла, и все закончилось трагедией. [Потому я бы] хотел написать о такого рода инфекции, которая передается воздушно-капельным путем, о нетерпимости¹⁶¹».

К этой проблеме писатель, в частности, обращается в своей пьесе «Чукча¹⁶²».

Основные события произведения Башкуева разворачиваются на окраине Москвы, в «убогой, служебной» квартире русского милиционера Славы Чумакова. Именно здесь читатель знакомится с главными героями произведения: с хозяином жилплощади, его другом детства Борей, и с «чукчей», арестованным Чумаковым в связи с отсутствием у него столичной прописки. Для того, чтобы вернуть себе отнятый паспорт, «чукча» вынужден произвести в квартире Чумакова «евроремонт». Персонаж «чукчи» у Башкуева абстрактно охарактеризован как «человек азиатской наружности, средних лет». Других героев пьесы не интересует его действительное этническое происхождение, и по ходу развития сюжета, «чукча» не только сталкивается с постоянными оскорблениями со стороны милиционера («обезьяна», «рожа немытая»), но также едва не лишается жизни:

«СЛАВА. <...> Чукча, хоть и в чуме, хоть и грязный, но наш, расейский грязнуля. Мы все грязнули, понял, да? Опять же стреляет метко, а я это уважаю... Из вас бы киллеров понаделать, в натуре. Во, братва дала маху! И недорого. <...> И ликвидировать вас потом не жалко... Короче, лично для меня чукча лучше хачика, сечешь? Чукча, хоть и тупой, но не злой. А эти злые. И

¹⁶¹ Интервью с Геннадием Башкуевым.

¹⁶² Башкуев Г. Чукча // Пьесы разных лет. Улан-Удэ, 2007б. С. 3-25.

евреев лучше. Те хитрые и опасные. Однозначно! Так, да? Так? Говори: да, сэр.
<...> Так, да? Ты оленей где припарковал?

ЧУКЧА. Каких оленей?

СЛАВА. На которых в Москву прискакал, урод! Щас, погоди, запрежем... Мы поедем, мы помчимся на оленях утром ранним, ты увидишь, что напрасно называют Север крайним... Крайним будешь!

Схватил целлофановый пакет со стола и надел на голову ЧУКЧЕ.

Ну, как – бескрайний Север-то, а? Ну, чё, прищурился?! Во, делаем большие русские глаза...

Снял пакет. ЧУКЧА кашляет¹⁶³».

В пьесе Башкуева ксенофобия описывается как угроза для всего российского общества, опасная как для нерусских жителей, так и ее источников. Последние у Башкуева в итоге оказываются жертвами «реактивного» характера своей ненависти: так, в финале произведения Чумаков, в результате физических увечий и ожогов, оказывается на месте «чукчи» и впоследствии становится объектом унижений со стороны окружающих.

Как считает «печатный» писатель А. Гатапов, другим трагическим последствием постсоветского разрыва является культурный и языковой кризис, переживаемый бурятским этносом сегодня. Эта проблема, в частности, затрагивается им в киносценарии «Шахматный сад» (2006). По сюжету, главные герои – американский ученый Джон Спенсер и молодая бурятка Сэсэг, покинувшая Бурятию пятнадцать лет назад – встречаются в самолете на пути из Москвы в Улан-Удэ. Прибыв в столицу Бурятии, Сэсэг и Джон в ходе разговора затрагивают проблему вымирания бурятского языка:

« - И как много у вас молодежи! И почему они все говорят на русском?

- оглядываясь, спрашивал Джон. - Разве они не любят свой язык?

Сэсэг пожала плечами.

- Большая часть улан-удэнской молодежи – это приехавшие из сел студенты. Дома они говорили по-бурятски и неуверенно знали русский. У многих родители не говорят по-русски. А они приезжают в город и, если удастся зацепиться здесь, забрасывают бурятский и стараются говорить только по-русски, чтобы стать цивилизованными. Слышишь, многие говорят с ужасным акцентом. Они лучше знают бурятский, но в городе стыдятся говорить на нем¹⁶⁴».

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Гатапов А. Шахматный сад // Байкал. 2006. №3. С 119-150.

Для самого Гатапова, эта проблема является наиболее актуальным вызовом для современного бурятского общества. Он настаивает, что именно в конце XX века буряты столкнулись с потерей родного языка, культуры и национального самосознания – главными атрибутами национальности¹⁶⁵. Что важно, ключевым здесь, по мнению автора, является сам переход от советской системы к современной российской действительности, запустивший движение в сторону языкового и культурного кризиса бурятской нации. В таком виде, «упаднический» дух 90-х годов мыслится им в качестве оппозиции к 1930-60-м гг. как периода интенсивной модернизации в истории бурят.

Однако, как можно заметить, евроцентристский взгляд А. Гатапова на развитие «отсталых народностей¹⁶⁶» при более подробном рассмотрении оказывается взаимосвязанным с травматической интерпретацией советского опыта, возникающей в результате конфликта между восприятием собственной «модерной» идентичности и воспоминаниями о «темном и неграмотном» прошлом бурят¹⁶⁷. Сбой в положительном отношении Гатапова к советскому прошлому, в частности, можно зафиксировать на уровне критики недостаточной репрезентации судьбы коренных народов в отечественной истории. Вспоминая свое школьное образование, писатель утверждает, что малым народностям «в нем не уделялось никакого места¹⁶⁸»:

«Совершенно отвратительно искажена истинная история присоединения азиатских пространств к России. В результате в современной России народы практически не знают друг друга, поэтому и относятся подозрительно, а то и враждебно, поэтому в 21 веке сохраняется пещерная психология: этот *свой*, этот *чужой*, и на бытовом уровне все это выражается порой в отвратительных сценах вражды и ненависти, драках, убийствах¹⁶⁹».

Как мы видим, советский опыт воспринимается автором двойственно: с одной стороны, он вспоминает его позитивно как период прогрессивного развития и интеграции своего сообщества в *передовую* советскую нацию, а с

¹⁶⁵ Письменное интервью с Алексеем Гатаповым. 22 августа 2016 г.

¹⁶⁶ Dussel E., Krauel J., Tuma V. C. Europe, modernity, and eurocentrism //Nepantla: views from South. 2000. Vol. 1 (3). Pp. 465-478.

¹⁶⁷ Письменное интервью с Алексеем Гатаповым.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

другой, связывает его с усугублением проблем коренных народов, искажением их истории, которые в будущем привели к распространению ненависти, вражды и ксенофобии.

Отсюда можно предположить, что конфликт между воспроизведением официального советского нарратива и его критикой в случае А. Гатапова мог быть вызван «фундаментальным несовпадением, принципиальном разрывом между доступными языками самоописания и социальными позициями, с которых ведется это описание¹⁷⁰», возникающими в условиях «классического» постколониального состояния, рассматриваемого в работах Х. Баба и Г. Спивак¹⁷¹. В этом смысле мы можем говорить о транзитивном характере дискурса, характерном для случаев, когда «насажденный» сверху нарратив – колонизированные народы продолжают говорить о себе языком колонизаторов¹⁷² – подвергается постепенному переосмыслению.

Как и в киносценарии А. Гатапова «Шахматный сад», проблема коммуникации является центральной в рассказе «Ласточкина скорлупка» под авторством *tri_tabuna*:

«--- Что это? – спросил мальчик.

Мальчику в июле исполнится семь лет. Он пойдет в школу и скажет своему соседу по парте, что в деревне у него живет прадедушка, под крышей которого ласточка свила гнездо.

Дед прищурился, а потом достал из кармана ватника очки, дужки у них просто две резинки. Натянул резинки на большие, сморщенные уши, наклонился пониже и сказал:

- Скорлупка.

Но мальчик не понял, потому что дед ответил ему на родном языке. А мальчик родного языка не знал.

- Там под крышей ласточка свила гнездо, - сказал дед, - каждое лето свивают ласточки гнездо.

Хотя мальчик и не мог понять, что говорит дед, но воспитан он был хорошо, потому не убежал, а присел рядом и сделал вид, что слушает»¹⁷³.

¹⁷⁰ Ушакин С. В поисках места между Сталиным и Гитлером: о постколониальных историях социализма // *Ab Imperio*. 2011. №. 1. Pp. 209-233.

¹⁷¹ *Bhabha H.* Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // *Bhabha H.* The Location of Culture. L., 1994; *Spivak G.* A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present. Cambridge, 1999.

¹⁷² Кукулин И. Внутренняя постколонизация: формирование постколониального сознания... С. 846-909.

¹⁷³ *tri_tabuna.* Ласточкина скорлупка [Электронный ресурс] // Сайт бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=16540&sid=19a9b72ffd46c54496261030d7ebac16> (дата обращения: 13.05.2017)

Отношения деда и внука, не способных вести разговор или понимать друг друга на родном языке, в рассказе *tri_tabuna* символизируют текущий разрыв между поколениями, культурами и исторической памятью коренного народа Бурятии, и вновь отсылают к проблемам Четвертого мира¹⁷⁴ и глобализации, грозящей малым народам вымиранием. Но, в отличие от А. Гатапова, *tri_tabuna* не усматривает в этом роль негативных последствий распада Союза – для нее 90-е гг. были катализатором, но не источником проблемы.

Так, согласно автору, проблема незнания языка (но уже русского) была широко распространенной в бурятском сообществе еще в середине 40-х гг. В рассказе о рядовом Жаргалае автор показывает, что в разгар Второй Мировой войны коренные этносы все еще были далеки от полноценной интеграции в советскую нацию, сталкиваясь с невозможностью говорить или быть услышанным:

«Рядового Жаргалая должны были судить военным судом.
Капитан Лесекин поднял глаза к небу, заметил два облака, похожих на лошадей, и снова посмотрел на свои сапоги.
- Тебя судить будут, - сказал Лесекин рядовому Жаргалаю.
Жаргалай улыбнулся ему. “Дурак” - подумал Лесекин.
- Переведи ему, - приказал он рядовому Бадмаеву, тот то же был из бурят, но по-русски понимал и говорил даже без акцента. Бадмаев перевел. Жаргалай улыбался.
- На войне убивать надо, - втолковывал Лесекин Жаргалаю, - вот ты... Вот зачем тебе винтовку дали? Ты из нее стрелять должен. Во врагов стрелять должен, иначе тебя убьют. Иначе родину нашу фашисты возьмут. Понимаешь?
*Азиат ничего не понимал, но улыбался. Бадмаев перевел ему, Жаргалай заплакал*¹⁷⁵».

Жаргалай, для которого все на этой войне кажется чуждым – от языка «межнационального общения» до самих целей борьбы – в результате посылают на задание, в ходе которого ему поручено ликвидировать командующих офицеров вражеской армии. Уже в финале рассказа, выполнив полученное задание, рядовой погибает от рук Лесекина, оказавшегося

¹⁷⁴ Boliachevets L., Sablin I. The Second or the Fourth World... Pp. 385-425.

¹⁷⁵ *tri_tabuna*. Герой Жаргалай [Электронный ресурс] // Сайт бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=1920&start=0&sid=55bf94c5a54dfa72d704c7f02e8c3d1c> (дата обращения: 13.05.2017)

предателем. Перед самой смертью Жаргалая посещает мысль о глубокой тоске по дому.

Для *tri_tabuna*, таким образом, проблемы овладения языком, будь то русским или родным, в рамках коллективного опыта бурятского этноса являются элементами единого непрерывного процесса, обусловленного спецификой субальтерного состояния. В этом проявляется целостность травматического нарратива *tri_tabuna* о советском прошлом, где буряты как отдельная этническая группа, взаимодействовавшая с *другими*, часто оказывалась жертвой шовинизма или переживала трагедии в форме религиозных гонений и т. д.

Тем временем, 90-е годы в воспоминаниях *tri_tabuna* обладают не меньшим трагическим смыслом и описываются как «*страшное время*»:

«Это было в начале 90-х годов прошлого века, когда в нашем городе зимой люди все еще ходили в некрасивых пальто, но уже не мерзли в очередях за хлебом и молоком. В прошлом году мне только повязали на шею алый галстук, а в этом я смотрела «терминатора» по первому открывшемуся коммерческому каналу. <...> В папиной больнице умирали от дифтерии маленькие дети, а лекарств, чтобы лечить их не было. Вот такое было время. «Страшное время», - говорил мне мой дедушка. У него на книжке была машина «волга», а теперь ничего не было. И я помню, что он плакал, когда по телевизору сказали, что Советского Союза больше не будет...¹⁷⁶».

Как можно заметить, специфика 90-х годов в памяти *tri_tabuna* во многом описывается с помощью оппозиций советского и постсоветского времени, где «уже не было очередей за хлебом», но «все еще ходили в некрасивых пальто». В таком же виде в воспоминаниях автора выстраивается противопоставление «алого галстука» и «терминатора на коммерческом канале». В этом смысле болезненность перехода от советского к постсоветскому в примере *tri_tabuna* кажется двойственной: с одной стороны, мы видим завершение эпохи очередей и появление коммерческих каналов, а, с другой, разруху, безденежье и отсутствие элементарного набора лекарств в больницах. Потому «*страшное время*» здесь не только является

¹⁷⁶ *tri_tabuna*. Улитка [Электронный ресурс] // Персональный сайт Эржены Баторовой. URL: <http://stepisvet.ru/?p=132> (дата обращения: 13.05.2017)

метафорой для описания начала 1990-х гг. как переходной точки от советской эпохи к неизвестному будущему, но и акцентирует внимание на различиях в восприятии этого периода разными поколениями.

Содержание травматического нарратива о советском прошлом и постсоветском настоящем доказывает сложную и неоднозначную природу трагического корпуса исторической памяти. В одной из наиболее значимых точек – 1937 г. – травматические воспоминания действительно имеют яркий консолидирующий¹⁷⁷ характер, когда прошлое интерпретируется в едином ключе, а дискурсивные практики характеризуются воспроизведением одинаковых речевых выражений. Что касается 1991 г., как «единовременного события и процесса¹⁷⁸», продолжающего влиять на взаимосвязь между прошлым, настоящим и будущим, то здесь наблюдается большая вариативность. Нарративы о распаде СССР предлагают несколько интерпретаций со стороны авторов: как «заката» писательской карьеры, как распространения «инфекции нетерпимости», как культурного и языкового кризиса бурятской нации, как начала «страшного времени». Пережитый опыт интерпретируется авторами по-разному: с одной стороны, период 90-х гг. кажется им необходимым для обновления после экзистенциального коллапса позднего советского общества, а, с другой, мыслится источником ряда обширных проблем, охвативших не только отдельный этнос, но и всю страну. В таком виде, травматический дискурс отражает смешанные и, вместе с тем, конфликтные и противоречивые локусы коллективной памяти представителей автохтонного сообщества Бурятии, усиливающихся в кульминационной точке распада СССР.

¹⁷⁷ Ренан Э. Указ. соч. С. 101.

¹⁷⁸ Ушакин С. Указ. соч. С. 35.

Заключение

После коллапса советской системы и наступления амбивалентного пост-колониального/пост-имперского¹⁷⁹ состояния, в печатном и цифровом литературном измерении Бурятии формируется новый гетерогенный исторический нарратив, предлагающий различные реакции на пережитый советский опыт. Вспоминая и рефлекслируя над своим прошлым, авторы, издатели и лингвисты ищут причины своего «подвешенного состояния» между Вторым и Четвертым миром¹⁸⁰, вступая в диалог с воспоминаниями о кровавых репрессиях 1937 г., принудительной секуляризации, продолжительном субальтерном положении и с глобальными проблемами меньшинств, изолирующими их наедине с общими для малых народов угрозами исчезновения и вымирания.

В широком смысле, в памяти писателей, издателей и лингвистов сегодня можно выделить три дискурса – травматический, официальный советский и изоляционистский. В результате тесного сплетения различных дискурсивных практик травматический нарратив оказывается доминирующим и, вместе с тем, выполняет роль катализатора в формировании двух других измерений памяти.

Развитие изоляционистского восприятия истории в данном контексте вызвано переживанием специфически колониального эффекта, «гибридной идентичности», когда колонизированные народы вынуждены «смотреть на себя одновременно «изнутри» и «снаружи» глазами колонизаторов»¹⁸¹. Сегодня это лиминальное состояние болезненно переживается авторами, издателями и лингвистами («неприкаянные – и не европейцы, и не азиаты¹⁸²», «вытолкнуты и на окраину монгольского мира, и на окраину русскоязычного мира¹⁸³») в связи с усугублением культурно-языкового кризиса.

¹⁷⁹ Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. The postimperial meets the postcolonial... Pp. 97-135.

¹⁸⁰ Boliachevets L., Sablin I. The Second or the Fourth World... Pp. 385-425.

¹⁸¹ Кукулин И. Указ. соч. С.

¹⁸² Письменное интервью с Алексеем Гапаповым.

¹⁸³ Интервью с Дмитрием Галсаном.

Воспроизведение официального советского нарратива обуславливается несколькими причинами. В случае Булата Молонова, оно мотивировано ностальгией по прошлому – не связанной с воспоминаниями о «советском», как таковым, а, скорее, вызванной желанием воссоздать коллективное пространство памяти со своими родными и близкими внутри этнически гомогенного бурятского села, где автор провел свое детство и юность. Алексеем Гатаповым официальный идеологический дискурс воспроизводится в форме негативных воспоминаний о домодерном прошлом автохтонного сообщества, сохранившимися еще с тех пор, как колонизированные народы были вынуждены говорить о себе языком колонизаторов¹⁸⁴.

В травматическом дискурсе внимание авторов фокусируется на двух точках – 1937 и 1991 гг. В первом случае, трагические события интерпретируются писателями однообразно с привлечением одинаковых воспоминаний и даже использованием одних и тех же речевых выражений (в понимании советской политики в рамках лозунга «разделяй и властвуй»). Переживание распада СССР и его продолжения в виде «*страшного времени*¹⁸⁵», между тем, объясняется авторами совершенно по-разному, отсылая как к личному, так и коллективному опыту. С одной стороны, болезненность этого опыта, объясняется авторами тем, что в Советском Союзе бурятская нация и ее отдельные представители ощущали себя лучше, нежели в современной реальности («По сравнению с СССР труд писателя обесценился¹⁸⁶», «Если бы не распад СССР, я бы сейчас цвел и пах¹⁸⁷», «В конце 20 века <...> создалась опасность исчезновения всего народа¹⁸⁸»). С другой стороны, период 90-х гг. интерпретируется писателями как этап тяжелой адаптации к пост-колониальному состоянию и постепенному выходу из субальтерного положения.

¹⁸⁴ Кукулин И. Указ соч. С. 846,

¹⁸⁵ *tri_tavina*. Улитка... URL: <http://stepisvet.ru/?p=132> (дата обращения: 13.05.2017)

¹⁸⁶ Интервью с Геннадием Башкуевым.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ *Письменное интервью с Алексеем Гатаповым*. 22 августа 2016 г.

В целом, гетерогенное пространство исторической памяти, отраженное в печатной и цифровой литературе Бурятии, позволяет говорить о тесном взаимодействии и взаимовлиянии мемориальных дискурсов, определяемых спецификой травматического нарратива. Травма в данном случае охватывает всю область конструирования и переживания различных опытов, особым образом маркируя «переломные моменты» – коллапсы империй или наступление новых имперских, пост-имперских и пост-колониальных ситуаций¹⁸⁹. Распад СССР, ставший формальной точкой установления смежного пост-колониального и пост-имперского состояния, в этом смысле является контрапунктом – местом столкновения различных воспоминаний, интерпретаций и смыслов – сплетающихся воедино внутри гетерогенного исторического нарратива автохтонного сообщества Бурятии.

¹⁸⁹ Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovski, A., Mogilner, M., & Semyonov, A. In Search of a New Imperial History... Pp. 33-56. Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. The postimperial meets the postcolonial... Pp. 97-135.

Список источников

1. Башкуев Г. Т. На переломе: публицистика, проза, пьесы. Улан-Удэ, 2007а.
2. Башкуев Г. Чукча // Пьесы разных лет. Улан-Удэ, 2007б. С. 3-25.
3. Буряты – пора принять свою историю как она есть, и жить дальше [Электронный ресурс] // Asia Russia Daily: портал деловой информации. URL: <http://asiarussia.ru/blogs/4753/> (дата обращения: 05.05.2017)
4. Гатапов А. Первый нукер Чингисхана. Улан-Удэ, 2005.
5. Гатапов А. Тэмуджин. Улан-Удэ, 2010.
6. Гатапов А. Шахматный сад // Байкал. 2006. № 3. С 119—150.
7. Государственная программа «Сохранение и развитие бурятского языка в Республике Бурятия» [Электронный ресурс] // Сайт Министерство образования и науки республики Бурятия. URL: <http://edu03.ru/napravleniya/projects/gosudarstvennaya-programma-sohranenie-i-razvitie-buryatskogo-yazyka-v-respublike-buryatiya.html> (дата обращения: 13.05.2017)
8. Интервью с Булатом Аюшеевым. Улан-Удэ. 11 июля 2016 г.
9. Интервью с Булатом Молоновым, Skype. 13 июля 2016 г.
10. Интервью с Галиной Дашеевой. Улан-Удэ. 2 августа 2016 г.
11. Интервью с Геннадием Башкуевым. Улан-Удэ. 3 августа 2016 г.
12. Интервью с Дмитрием Галсаном. Улан-Удэ. 6 августа 2016 г.
13. Интервью с Жаргалом Бадагаровым. Улан-Удэ. 7 августа 2016 г.
14. Как остановить языковой этноцид в Бурятии [Электронный ресурс] // Asia Russia Daily: портал деловой информации. URL: <http://asiarussia.ru/articles/2695/> (дата обращения: 05.05.2017)
15. Как реабилитировать свою республику [Электронный ресурс] // Новая Бурятия. URL: <http://www.newbur.ru/articles/10456> (дата обращения: 05.05.2017)
16. Материалы первого культурно-национального совещания Бурят-Монгольской АССР. Верхнеудинск, 1926. С.2.
17. Молонов Б. Танец орла. Улан-Удэ, 2014.

18. Неофициальная меморизация травматического опыта: материалы науч. конф. XXI Большие банные чтения, Москва, 5-6 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/3159> (дата обращения: 16.04.2017)
19. О репрессиях против бурят в Монголии // Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru/articles/9114/> (дата обращения: 05.05.2017)
20. Письменное интервью с Алексеем Гатаповым. 22 августа 2016 г.
21. Сайт бурятского народа. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.buryatia.org> (дата обращения: 05.05.2017)
22. Солбонэ Т. Моя совесть чиста. Избранные стихи, статьи. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1992.
23. Asia Russia Daily: портал деловой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://asiarussia.ru> (дата обращения: 05.05.2017)
24. tri_tabuna. Герой Жаргалай [Электронный ресурс] // Сайт бурятского народа // URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=1920&start=0&sid=55bf94c5a54dfa72d704c7f02e8c3d1c> (дата обращения: 13.05.2017)
25. tri_tabuna. Ласточкина скорлупа. Форум сайта бурятского народа [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=16540&sid=19a9b72ffd46c54496261030d7ebac16> (дата обращения: 13.05.2017)
26. tri_tabuna. Последнее чудо Будды [Электронный ресурс] // Форум сайта бурятского народа. URL: <http://www.buryatia.org/modules.php?name=Forums&file=viewtopic&t=1653&start=0&postdays=0&postorder=asc&highlight=&sid=3a14c5ab74cb762b6dbfc7cfd0bc0b89> (дата обращения: 05.05.2017)
27. tri_tabuna. Улитка [Электронный ресурс] // Персональный сайт Эржены Баторовой. URL: <http://stepisvet.ru/?p=132> (дата обращения: 13.05.2017)

28. Wayback Machine. URL:
https://web.archive.org/web/19960401000000*/http://buriatia.org. (дата обращения: 05.05.2017)

Список литературы

1. Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. №4. С. 5-23.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества // Размышления об истоках и распространении национализма. Т. 9. М., 2001.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое Литературное Обозрение, 2014.
4. Бадмаева Л. Б. Старописьменный монгольский язык и современный бурятский язык // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. №. 2. С& 202-207.
5. Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.
6. Балдано М., Варнавский П. «Национальная по форме, социалистическая по содержанию»: бурятская нация в советском идеологическом дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2016. №412. С. 40-50.
7. Баскаков Н.А. Основные процессы внутривидового развития тюркских финно-угорских и монгольских языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху / отв. ред. д-р филол. наук Н. А. Баскаков. М.: Наука, 1969.
8. Батомункуев С. Д., Варнавский П. К., Скрынникова Т. Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX-первая треть XX веков) [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buriat2/ (дата обращения: 05.05.2017)
9. Баяртуев Б. Д., Жапов В. Д. Литература // Буряты / Серия «Народы и культуры» / под. ред. Л.Л. Абаевой, Н.Л. Жуковской. М.: Наука, 2004.

10. Бельгаев Г. Искусство бурят-монгольского народа // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943. С. 171-181
11. Болтунова Е. Державность по-советски: имперское пространство советских 70-х // Новое литературное обозрение. 2013. №5. С. 89-103.
12. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013.
13. Варнавский П.К., Дырхеева Г.А., Скрынникова Т.Д. Бурятская этничность в контексте социокультурной модернизации (конец XIX - первая треть XX веков) [Электронный ресурс]. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/buryat/. (дата обращения: 05.05.2017)
14. Васильев А. Г. Современные memory studies и трансформация классического наследия // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории/ под редакцией Л.П. Репиной. М.: Кругъ. 2008. С. 19-50.
15. Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.
16. Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет?: Беседа с редакторами журнала Ab Imperio Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // Логос. 2007. №. 1. С. 218-238.
17. Дубин Л., Гудков Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994.
18. Ким И. Бурятская советская поэзия двадцатых годов. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1968.
19. Кукулин И. Внутренняя постколониализация: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-х-2000-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. статей / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 846-909.
20. Мартин Т. Империя "положительной деятельности": нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: Фонд "Президентский центр БН Ельцина", 2011.

21. Найдаков В.Ц. Литература Советской Бурятии [Электронный ресурс] // Литература Советской Бурятии. URL: http://baikalib.ru/o-zhizni-i-tvorchestve/item/189-literatura-sovetskoj-buryatii?switch_to_desktop_ui=1/administrator (дата обращения: 05.05.2017)
22. Позднеев А.М. Монгольская хрестоматия для первоначального преподавания. СПб., 1900.
23. Поппе Н. Н. Бурятская литература // Литературная энциклопедия: В 11 т. / Т. 1. М.: Изд-во Ком. Акад. 1930.
24. Регион в истории империи: исторические эссе о Сибири / Серия: Новые границы. М.: Новое издательство, 2013.
25. Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах / пер. с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т.6. Киев, 1902. С. 87-101.
26. Современные этнические процессы в СССР / под. ред. Ю. В. Бромлея / Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. 2-е изд. М.: Наука, 1977.
27. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 296.
28. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Л.: Госполитиздат, 1939. С. 211.
29. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, "национальное" самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. Имперские мифологии. Казань. № 1-2. 2001.
30. Сухотина М. Продается местный колорит, или Комплекс вины в «Боге мелочей» Арундати Рой [Электронный ресурс] // Вопросы литературы. 2010. №2. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/2/su23.html> (дата обращения: 05.05.2017)
31. Тезич М. Д. Языковая политика и ее роль в формировании нации в бурятской АССР (1923–1938) // *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*. 2013. Vol. 2 (27). С.131-134

32. Ушакин С. Нам этой болью дышать // О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты / под ред. С. Ушакина, Е. Трубиной. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 5-41.
33. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. N 2-3. С. 8-27
34. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007.
35. Хамаганов М. Бурят-Монгольская советская литература. Иркутск, 1951. 136 с.
36. Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
37. Чимитдоржиев Ш.Б. Бурят-монгольский этнос и монгольский мир // Проблемы традиционной культуры народов Байкальского региона. Улан-Удэ, 1999. С. 12-14.
38. Шулукшин М. Двадцать лет бурят-монгольской литературы // XX лет БМАССР. Улан-Удэ, 1943.
39. Юбилей востоковедного центра Сибири // Наука в Сибири. 2012. №25. С 4-5.
40. Anastasio, T., Ehrenberger, K., Watson, P., & Zhang, W. Individual and collective memory consolidation: Analogous processes on different levels. MIT Press, 2012.
41. Appadurai A. Modernity at Large. Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, MN, 1996.
42. Ashcroft B. Postmodernism and Postcolonialism. Introduction // The Postcolonial Studies Reader. L.; N.Y.: Routledge, 1999.
43. Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. The empire writes back: Theory and practice in post-colonial literatures. Routledge, 2003.
44. Belton K. From cyberspace to offline communities: Indigenous peoples and global connectivity // Alternatives. 2010. Vol. 35. №3. Pp. 193-215.
45. Bhabha H. Of Mimicry and Man: The Ambivalence of Colonial Discourse // Bhabha H. The Location of Culture. L., 1994

46. Bhabha H. K. *The location of culture*. Routledge, 2012.
47. Boliachevets L., Sablin I. *The Second or the Fourth World: Critique of Communism and Colonialism in Contemporary North Asian Literature // Ab Imperio*. 2016. №2. Pp. 382-425.
48. Chakars M. A. *Buryat Literature as a Political and Cultural Institution from the 1950s to the 1970s // Inner Asia*. 2009. Vol. 11. №1. Pp. 47-63.
49. Chakars M. *The Socialist Way of Life in Siberia*. Central European University Press, 2014.
50. Chikonzo A. *The Potential of Information and Communication Technologies in Collecting, Preserving and Disseminating Indigenous Knowledge in Africa // The International Information & Library Review*, 2006. Vol. 38. №3. Pp. 132-138.
51. Chouliaraki L., Fairclough N. *Discourse in late modernity*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999.
52. Coombs D. *Entwining Tongues: Postcolonial Theory, Post-Soviet Literatures and Bilingualism in Chingiz Aitmatov's I dol'she veka dlitsia den' // Journal of Modern Literature*. – 2011. Vol 34. №3. Pp. 47-64.
53. Dussel E., Krauel J., Tuma V. C. *Europe, modernity, and eurocentrism // Nepantla: views from South*. 2000. Vol. 1. №3. Pp. 465-478.
54. Dobrenko E. A. *The Making of the State Writer Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001.
55. Fanon F. *Black Skin, White Masks*. New York, 1967.
56. Gerasimov I., Glebov S., Kaplunovski A., Mogilner M., Semyonov A. *Do the “Assemblage Points” Exist? // Ab Imperio*. 2014. №1. Pp. 16–21.
57. Gerasimov, I., Glebov, S., Kaplunovski, A., Mogilner, M., & Semyonov, A. *In Search of a New Imperial History // Ab Imperio*. 2005. №1. Pp. 33-56.
58. Gerasimov I., Glebov S., Mogilner M. *The postimperial meets the postcolonial: Russian historical experience and the postcolonial moment // Ab Imperio*. 2013. №. 2. Pp. 97-135.

59. Gandhi L. Postcolonial theory: A critical introduction. Columbia University Press, 1998.
60. Hatherley O. Landscapes of Communism: A History Through Buildings. The New Press, 2016.
61. Hobsbawm E. The invention of tradition. Cambridge University Press, 2012.
62. Justice D. H. Introduction: Conjuring Marks: Furthering Indigenous Empowerment through Literature // *The American Indian Quarterly*. 2004. Vol. 28 (1). Pp. 3-11.
63. Kuzio T. History, memory and nation building in the post-Soviet colonial space // *Nationalities Papers*. 2002. Vol. 30. №2. Pp. 241-264.
64. LaCapra D. Trauma Studies: Its Critics and Vicissitudes // LaCapra D. *History in Transit: Experience, Identity, Critical Theory*. Ithaca: Cornell University Press, 2004. P. 106–143.
65. McHenry T. Words as Big as the Screen: Native American Languages and the Internet // *Language Learning & Technology*. 2002. Vol. 6. № 2. P. 102-115.
66. wa Thiongo N. *Decolonising the Mind: The Politics of Language in African Literature*. London, 1981.
67. Riddell J. From Marx to Morales: Indigenous Socialism and the Latin Americanization of Marxism // *Monthly Review: an Independent Socialist Magazine*. URL: <https://mronline.org/2008/06/17/from-marx-to-morales-indigenous-socialism-and-the-latin-americanization-of-marxism/> (date accessed: 05.05.2017).
68. Sablin I. *Governing Post-Imperial Siberia and Mongolia, 1911–1924: Buddhism, Socialism and Nationalism in State and Autonomy Building*. Routledge, 2016.
69. Sablin I., Korobeinikov A. Buryat-Mongol and Alash autonomous movements before the Soviets, 1905-1917 // *AlterNative: An International Journal of Indigenous Peoples*. 2016. Vol. 12 (3). P.

70. Santner E. *History beyond the pleasure principle: Some thoughts on the representation of trauma // Probing the Limits of Representation: Nazism and the "Final Solution.* Harvard University Press, 1992.
71. Schacter D., Coyle J. *Memory distortion: How minds, brains, and societies reconstruct the past.* Harvard University Press, 1997.
72. Spivak, G., Condee, N., Ram, H., & Chernetsky, V. *Are we postcolonial? Post-Soviet space // PMLA.* 2006. Vol. 121 (3). Pp. 828-836.
73. Spivak G. *A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of the Vanishing Present.* Cambridge, 1999.
74. Suny R., Kennedy M. *Intellectuals and the Articulation of the Nation.* University of Michigan Press, 2001.
75. Suny R. *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union.* Stanford University Press, 1993.
76. Taveirne P. *Han-Mongol Encounters and Missionary Endeavors: A History of Scheut in Ordos (Hetao) 1874-1911.* Vol. 15. Leuven University Press, 2004. P.144
77. Van Dijk T. *Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse.* 1995. Vol 1 (1). Pp. 17-27.
78. Van Dijk T. *Principles of critical discourse analysis // Discourse & society.* 1993. Vol 4 (2). Pp. 249-283.
79. Wodak R. *The discourse-historical approach // Methods of critical discourse analysis.* Sage, 2001. Pp. 63-94.

Приложение

Список вопросов для писателей, редакторов, издателей, лингвистов

Блок «Литературные влияния»

- Кто ваш любимый писатель?
- Какая любимая книга?
- Почему?
- Какая книга произвела впечатление в детстве?
- Почему?
- Кто любимый герой?
- Помните своего первого учителя?
- А самого важного учителя в жизни?

Блок «Рефлексия автора»

- Какое свое произведение считаете самым важным?
- Почему?
- Что вы хотели бы сказать читателю?
- Написали бы иначе сейчас?
- О чем вы еще хотите написать?
- Как вы думаете, о чем важно писать?

Блок «Историческая память»

- Какое самое важное событие произошло в XX веке
- А для Бурятии?
- Нужно ли помнить о нем?
- Если бы вы снимали фильм о нем, то какую историю хотели бы рассказать?
- Достаточно ли место в школьном образовании уделялось национальной истории регионов?
- Кому из исторических деятелей вы бы хотели поставить памятник?
- Какие праздники вы отмечаете?

Блок «Издание книг»

- Где лучше публиковать работы – в сети или в формате книги?
- Почему?
- На какой язык вы бы хотели перевести свои книги?
- Легко ли найти издательство для печати?

(Для редакторов):

- Как происходит выборка произведений?
- Как обстоит ситуация на книжном рынке?
- Какие произведения вы бы хотели публиковать в своем издательстве?
- На каком языке выгоднее публиковать произведения?
- С какими библиотеками, журналами, газетами вы сотрудничаете?
- Стремитесь ли вы распространять свои издания на публичных мероприятиях? И если да, то, какие мероприятия на ваш взгляд подходят для этого?
- Как вы себе представляете своих читателей?
- Что менялось на книжном рынке, и в издательском деле в частности, в последнее время?

Блок «Процесс»

- Что помогает вам писать?
- Помогают ли литературные награды и премии стимулировать процесс развития литературы? Если нет, то как вы думаете, почему?
- Что вас вдохновляет для написания?
- Писательство для вас – это основная работа или любимое хобби?